

Алина Шоморова

Антагонист

Алина Шоморова

Антагонист

<https://litres.ru/74184697>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где Небеса и тьма удерживаются в хрупком Равновесии, метис Арван бросает вызов системе, отвергшей его. Столетия в одиночестве научили его управлять тенями — и теперь он разрушает древний алтарь, державший миропорядок. Баланс рушится, острова смещаются, тени ползут по мирам. За ним отправят Нэсту — ангела-исполнителя с безупречной репутацией. Но что, если приказ уничтожить Арвана столкнёт её с собственным прошлым? Миру предстоит выбор: гибель или новое начало.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	59
Глава 5	84
Глава 6	102
Глава 7	124
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Алина Шоморова

Антагонист

Глава 1

Глава 1. Пепел алтаря

Белый камень алтаря не отражал света - он был самым светом. Арван стоял перед ним и смотрел. Не так, как смотрят на что-то прекрасное. Так, как смотрят на задачу, которую слишком долго откладывали. Алтарь поднимался от пола пещеры на высоту человеческого роста - монолит из материала, которому не было имени ни в одном языке смертных. Не мрамор, не кость, не кристалл. Что-то вросшее в основание мира раньше, чем у мира появилось основание. Поверхность его была гладкой и тёплой, как живая кожа, и от неё исходило ровное, ненасытное сияние без источника, без направления, просто свет, занявший всё пространство вокруг.

Тихо. Такой тишины не бывает в смертном мире. Там всегда есть ветер, или дыхание, или скрип перекрытий в старых домах. Здесь тишина была намеренной. Встроенной. Как будто Небеса нарочно выдавили из этого места всё, что могло помешать алтарю существовать.

Арван привык к тишине. Столетия в пещере блуждающе-

го острова учат не бояться отсутствия звука. Но эта давила по-другому - не пустотой, а присутствием. Чем-то, что смотрело на него с равнодушием, которое хуже любой враждебности.

Он не торопился. Спешка — это для тех, кто боится передумать. Он думал об этом достаточно долго. Думал, пока острова плыли в облаках и ни одна из сторон не знала, где именно находится его пещера. Думал, пока ангельские патрули расчерчивали небо крыльями - белыми, точными, безупречными. Думал, пока внизу, в смертном мире, города не подозревали, что держатся на лжи, которая вот-вот кончится.

Не ярость его сюда привела. Ярость - плохой компас, сгорают быстро. Его привела усталость. Старая, устоявшаяся, как осадок на дне чаши, которую слишком долго не мыли.

Он помнил, как его впервые привели в Небеса. Он был молодым - насколько метис может быть молодым - и ещё не понял, что два мира, поделившие его пополам при рождении, не собираются делать это по-братски. Ангелы смотрели на него как на ошибку. Демоны смотрели на него как на слабость. Ни те ни другие не нашли слова, которое поместило бы его куда-нибудь, где для него было бы место.

Равновесие - так называли это. Баланс. Закон, который держал всё в порядке. Закон, по которому он не должен был родиться. Арван медленно поднял руку и приложил ладонь к поверхности алтаря.

Тепло ударило сразу - не жгучее, а мягкое, почти материнское. Он почувствовал пульс. Ровный, глубокий, как сердцебиение чего-то очень большого и очень старого. Баланс работал. Небеса и тьма, свет и тень, смертные в своих городах и бессмертные на своих островах — всё это держалось вот здесь, в этом камне, в этом равнодушном биении.

Равнодушном. Именно так. Пульс не участился от его прикосновения. Не замедлился. Алтарь не знал, кто к нему прикоснулся. Закон не видел разницы между ним и кем-либо другим - он просто работал, механически, как жернова, которым всё равно, что перемалывать. Систему не волновало, что она перемалывала в том числе его. С самого начала. С первого дня.

Арван убрал ладонь. Он не разрушает мир. Он убирает ложь, на которой тот держится. Разница существенная, хотя он не собирался никому её объяснять. Ложь была простой: что порядок — это благо. Что Баланс служит всем. Что система, созданная достаточно давно, имеет право существовать только потому, что существует давно. Ложь была удобной, встроенной, самовоспроизводящейся - как этот свет без источника, который просто есть, и никто не спрашивает откуда.

Он расправил крылья. Тёмно-красный - почти чёрный в этом белом сиянии - цвет, который не вписывался ни в ангельские своды, ни в демонические залы. Ещё одна вещь, которая не принадлежала ни туда, ни туда. Он давно перестал

считать это недостатком.

Тени пошли сами. Не взрыв. Не жест. Просто — он позволил им выйти, и они вышли. Медленно, как вода, которая находит трещину и начинает просачиваться, не спеша, неостановимо. С кромок тёмно-красных перьев потекло что-то лишённое формы — не дым, не тьма в привычном смысле, а отсутствие: там, куда это добиралось, свет просто переставал быть.

Они коснулись белого камня. Алтарь не сопротивлялся. Арван почти ожидал чего-то - сигнала тревоги, ответного удара, хоть какого-то признания, что происходит нечто важное. Но камень принял тени так же равнодушно, как принял его ладонь. Поверхность начала темнеть - медленно, от точки прикосновения вовне, как чернила, разведённые в воде.

Пульс под поверхностью изменился. Сбился. Пропустил такт. Арван смотрел.

Не торжество. Не облегчение - ещё нет. Только сосредоточенность человека, который делает работу, которую следовало сделать давно, и делает её аккуратно, без лишних движений. Тени ползли по граням алтаря, заполняли углубления в камне, гасили свет слой за слоем.

Где-то далеко, за стенами этого места, Небеса ещё не знали. Но пульс снова пропустил такт. И ещё один. Арван ждал.

* * *

Трещина прошла от основания до вершины - одна, почти

аккуратная, как надрез хирурга. Арван смотрел на неё. Ни шага назад.

Алтарь держался ещё мгновение - из упрямства или из инерции, он не знал, какая разница. Потом паутина пошла шире: тонкие ответвления расходились по белому камню, как трещины на льду, когда лёд уже решил сломаться, но ещё не объявил об этом. Звука не было. Только этот беззвучный разговор камня с самим собой - о том, что он больше не выдержит.

Арван не помогал. Не давил. Он уже всё сделал - час назад, или два, или три. Время здесь шло неровно, Небеса всегда скупилась на него. Теперь оставалось просто стоять и ждать, пока последствия догонят причину.

Провал случился снизу. Центр алтаря осел, и свет - тот мягкий, ровный свет, который здесь никогда не гас, который Арван помнил с тех пор, как его первый раз сюда привели и объяснили, что это не место для таких, как он, - свет начал уходить. Не гаснуть. Именно уходить, как уходит вода из трещины в лодке: сначала медленно, потом всё быстрее, и ты понимаешь, что это уже не починить.

Дальние острова потемнели первыми. Арван видел их краем зрения - далёкие платформы, висящие в воздухе на расстоянии, которое здесь не измерялось километрами. Они просто были далеко. И теперь там гасло. Один за другим, как огни в окнах, когда город засыпает. Только это был не сон. Он не отвернулся.

Ближние острова держались дольше. Свет на них сделался жиже, потом желтее, потом приобрёл тот оттенок, который бывает у пламени перед тем, как оно задыхается. Арван смотрел прямо, не моргая. Ему было важно видеть это целиком, без изъятий. Столетия стоило видеть целиком.

Тени пришли без предупреждения. Не как тьма, которую видишь - как отсутствие, которое замечаешь, только когда оно уже везде. Они текли по краям парящих платформ, стекали вниз туда, где не было ничего кроме воздуха и высоты, и расходились волной - беззвучной, неостановимой, как дыхание чего-то очень большого и очень старого, которое наконец сделало вдох. Белый камень под ногами Арвана стал серым. Потом почти чёрным. Он ощутил их касание - не кожей, а чем-то глубже.

Вот тогда оно и пришло. Не как удар. Арван ждал удара. Он готовился к нему с тех пор, как ещё понимал, что делает, - готовился к волне, к шоку, к чему-то, что собьёт с ног или хотя бы заставит покачнуться. Вместо этого сила вошла в него как выдох. Как тот момент, когда ты слишком долго держишь воздух в лёгких и наконец отпускаешь - и всё тело вспоминает, что дышать это не подвиг, это просто то, что оно умеет. Что всегда умело.

Облегчение. Не торжество. Не ярость. Он закрыл глаза на секунду. Одну секунду. Тени снаружи и тени внутри перестали быть разными вещами.

Гарпии появились, когда он открыл их снова. Он не звал.

Он не делал жестов, не произносил слов, не тянулся к ним - они пришли сами, из темноты, которая теперь была везде. Одна. Потом ещё три. Потом больше. Они садились на обломки алтаря без звука, складывая крылья, смотрели на него теми взглядами, в которых не было ни страха, ни преданности - только узнавание. Как узнают то, что принадлежит им. Или то, чему они принадлежат.

Арван понял это отчётливо: они пришли не потому, что он позвал. Они пришли, потому что Баланс сломан и мир это почувствовал, и они - часть того, что заполняет пустоту после.

Он посмотрел на обломки. Белый камень, расколотый, частью рассыпавшийся в пыль, частью всё ещё сохранявший форму - как будто алтарь не хотел окончательно признавать, что его больше нет. Над обломками не было света. Пыль оседала медленно, в воздухе, где не было ветра.

Арван стоял. Ни сожаления - он проверил это намеренно, как проверяют рану, чтобы понять, насколько глубокая. Ничего похожего на сожаление. Ни эйфории, которую он, наверное, должен был чувствовать - столетия, и вот, и свершилось. Нет.

Только ощущение, совершенно новое и совершенно простое, что теперь пространство впереди пусто. Не в смысле потери. В смысле, что теперь туда можно войти и что-то построить.

Одна из гарпий негромко защёлкала - не тревожно, просто

звук. Арван не ответил.

Он смотрел на горизонт, где дальние острова уже утонули в темноте, и думал о том, что у него теперь есть время. Впервые за столетия - время, которое принадлежит только ему. Не побегу. Не выживанию. Не ожиданию. Теперь можно начать.

* * *

Воздух Небес пах иначе. Арван поднялся над обломками алтаря и задержался - на мгновение, не больше - позволив крыльям найти равновесие в воздушных потоках. Тёмно-красные перья резали восходящие токи, которые прежде несли запах нагретого камня и чего-то неуловимо-чистого, что он с детства ненавидел. Теперь этого не было. Осталась пустота - не зловонная, не тёмная, просто лишённая содержимого, как сосуд после того, как его опрокинули. Он завис выше и посмотрел вниз.

Обломки алтаря лежали правильным кругом - не хаотично, а словно кто-то аккуратно разобрал конструкцию и разложил части по-своему. Тени ползли от каждого куса камня, вытягивались тонкими нитями и сплетались, накрывая площадку равномерной сетью. Медленно. Без спешки. Словно тени тоже понимали, что никуда не торопятся.

Где-то под ним треснуло. Арван поднял взгляд на горизонт - и увидел, как ближайший остров сдвинулся. Едва за-

метно, на ширину ладони, но этого было достаточно. Он помнил, как выглядели Небеса раньше: застывшие, неподвижные, как кость, вросшая в тело. Острова висели в строго отведённых местах тысячелетиями - каждый на своём якоре, каждый в своей клетке. Якорем была система, системой был алтарь.

Теперь якорей больше не было. Дальний остров тоже качнулся - медленно, как корабль при смене ветра. Потом ещё один. Это не было обрушением. Это было похоже на то, как расходятся льдины весной, когда река решает, что держаться больше незачем: без спешки, без паники, просто по законам, которые теперь никто не нарушает.

Арван наблюдал. Лицо оставалось спокойным. Гарпии появились снизу - их было семь или восемь, он не считал. Они кружили на удалении, выписывая широкие спирали над обломками, и ни одна не издала звука. Не потому, что боялись - он давно отучил их от страха как основного инструмента послушания. Просто не было нужды в словах. Он не отдавал приказов, и они не ждали приказов. Тьма, разлившаяся от алтаря, говорила яснее любой команды.

Он наблюдал, как одна из них - та, у которой на крыльях была рыжая полоса, старая рана, давно зарубцевавшаяся - опустилась пониже и почти коснулась когтями края тени. Остановилась. Подождала. Тень не отреагировала, но гарпия удовлетворённо отпрянула назад, будто получила ответ на вопрос, который не задавала вслух. Арван отвернулся.

Смертный мир находился ниже - невидимый за слоем облаков и меж мировой пеленой, но он помнил его достаточно хорошо, чтобы не нуждаться в зрении. Города. Улицы. Люди, которые просыпаются утром и думают о мелком и насущном: о еде, о деньгах, о том, что кто-то сказал что-то обидное вчера вечером. Они не знали, что именно сейчас, в эту минуту, пока тени ползут по осколкам алтаря, что-то в архитектуре их будущего необратимо изменилось.

Он думал об этом без злорадства - с той же отстранённостью, с которой врач изучает течение болезни в организме, который уже не спасти.

Система Равновесия держала их. Держала так же, как держала его - не цепями, не стенами, а правилами, настолько глубоко вросшими в реальность, что большинство принимало их за самую природу вещей. Смертные умирали в строго отведённых пропорциях. Болели в правильных количествах. Рождались и исчезали так, чтобы не нарушать чью-то бухгалтерию наверху.

Они не виновны. Это он понимал. Но они были частью механизма - каждый из них, просто живя, просто существуя в отведённых клетках, поддерживал систему. Не осознанно. Не со злым умыслом. Просто, потому что клетки были удобными, и никто не задавал вопросов. Вина требует выбора. Они выбора не делали. Но соучастие не всегда требует осознанности.

Арван не оправдывался перед собой. Он просто фиксиро-

вал факт, как фиксируют расстояние до цели. Один из островов впереди накренился сильнее, чем прежде, и с его края сорвался поток мелкого камня - тихо, почти беззвучно, потому что некому было слушать этот звук с нижнего края. Арван проводил его взглядом. Потом посмотрел на линию горизонта, где раньше стояло что-то похожее на свет - постоянный, ровный, как дежурная лампа в коридоре. Сейчас там был просто воздух.

Этого было достаточно для первого взгляда. Он не нуждался в подробной картине. Масштаб он понял уже по тому, как двигались острова, как молчали гарпии, как изменился запах. Детали заполнятся сами, время - у него теперь было столько времени, сколько нужно.

Арван расправил крылья - медленно, с намеренной точностью - и развернулся прочь от алтаря.

Не было триумфа в этом движении. Не было и сожаления. Он уходил так, как уходят от завершённой работы: ровно, без оглядки, уже думая о следующем шаге. Гарпии перестроились следом - молча, удерживая дистанцию, как тени удерживают форму вещи, которая их отбрасывает.

Внизу шевелился мир. Наверху больше не было якоря, который держал его на месте. Арван летел, и Небеса смещались за его спиной.

* * *

Пещера пахла так же, как всегда: сыростью, камнем, временем. Арван стоял у входа и давал глазам привыкнуть - хотя темнота здесь была своя, знакомая, почти живая. Она узнавала его. Или ему так казалось после слишком долгого одиночества. Стены, помнившие каждый его шаг, каждое произнесённое слово; потолок, нависавший так низко в дальней части, что приходилось пригибаться, - он делал это тысячи раз, и тело научилось само, без напоминания. Он прошёл вглубь.

Сырость собиралась по углам и оседала на камне тонкой плёнкой влаги - вечной, неуничтожимой. Здесь не менялось ничего. Это было единственное постоянство, которое он имел, и он никогда не решал, хорошо это или плохо.

Где-то позади, над островом, тени всё ещё расходились кругами - он чувствовал это, как чувствуют отдачу после выстрела, запоздалую, гудящую в костях. Алтарь был мёртв. Баланс, который веками держали на весах чужими жизнями, начал рассыпаться. Арван не смотрел назад.

Он остановился в той точке, где всегда останавливался: там, где потолок начинал идти вниз и воздух становился чуть плотнее. Прислонился спиной к камню. Тёмно-красные крылья сложились привычно, прижались к стене.

И всё равно что-то поднялось изнутри: не картинка, не сцена - ощущение. Как давление в груди, когда стоишь между двумя мирами и ни один не открывает перед тобой дверь. Он помнил не момент - он помнил понимание. Холодное,

почти математическое. Небеса смотрели на него и видели отца. Демоны смотрели и видели мать. Никто не смотрел и не видел просто - его.

Он не плакал тогда. Был слишком молод, чтобы понять, что это повод для слёз, и слишком стар, чтобы позволить себе их.

Просто констатировал. Как констатируют погоду перед долгой дорогой: холодно, значит, идти тяжелее. Больно — значит, нужно двигаться быстрее, пока не замёрзло. Здесь, в этой пещере, он научился двигаться.

Арван отлепился от стены и прошёлся вдоль дальней части грота - там, где камень был почти чёрным от влаги и где он когда-то проводил пальцем по трещинам, просто чтобы руки были заняты. Трещины никуда не делись. Они стали, пожалуй, чуть шире - острова дышат по-своему, медленно и равнодушно. Здесь не было ничего его.

Никакого имущества, никакого следа намеренного обустройства. Пещера была убежищем, а не домом, и он никогда не путал одно с другим. Всё, что у него имелось, носилось с собой: в памяти, в мышцах, в том, что сейчас разливалось по венам тихим и почти спокойным потоком - его сила, наконец отпущенная на волю. Он не взял ничего. Здесь нечего было брать.

Арван постоял ещё немного. Смотрел на камень, на плёнку влаги, на трещины, которые помнили его пальцы.

Заточение - слово, которое другие произнесли бы с горе-

чью. Он произнёс его мысленно и почувствовал только: точность. Да, заточение. И что с того. Он провёл здесь столетия, и это время никуда не делось - оно осело в нём слоями, как порода. Терпение. Расчёт. Понимание того, что система не рухнет криком - она рухнет давлением, медленным, неостановимым, направленным в нужную точку. Он нашёл эту точку. Он надавил. Алтарь пал.

Обратного пути не было - но он не стоял здесь, ища обратного пути. Он стоял здесь, потому что уходить нужно правильно. Не бежать, не отворачиваться в спешке. Посмотреть на то, что оставляешь, и убедиться, что не оставляешь ничего лишнего. Арван развернулся и пошёл к выходу.

Свет снаружи был рассеянным, почти серым - небеса над островом всё ещё не решили, что с собой делать после того, как равновесие качнулось. Воздух пах по-другому. Или это был тот же воздух, но он сам стал другим - трудно сказать, и он не стал разбираться. Переступил порог. Пещера осталась за его спиной. Он не оглянулся.

* * *

Край острова кончался резко, без предупреждения - голый камень, а дальше ничего.

Арван стоял там, где твёрдость заканчивалась. Внизу пролежала пустота меж мировых пространств: не тьма - нечто плотнее тьмы, медленное и безмолвное, как давление воды

на большой глубине. Вдали, если смотреть сквозь редеющий облачный покров смертного мира, уже различались первые пятна - тени, расплывавшиеся над горизонтом, как чернила, упавшие в воду. Они не спешили. Им некуда было спешить.

Ветер здесь, на краю, был другим. Резким, почти злым. Он не отступил. Где-то за его спиной лежал пепел алтаря. Где-то впереди - всё остальное.

Арван начал перебирать их в уме одного за другим. Не торопясь. Так, как перебирают камни, оставшиеся в кулаке после того, как ладонь разжали.

Башня Тихих Посланников на восточном архипелаге. Её называли маяком Равновесия - отсюда рассылали вестников с указами серафимов, отсюда отслеживали нарушителей Баланса. Отсюда однажды пришёл приказ о его заточении. Не казни - заточении. Потому что казнь потребовала бы объяснений.

Цитадель Трёх Клятв. Там хранились договоры, по которым смертные были отрезаны от знания о бессмертных. Священные тексты, которые на самом деле были просто юридическими документами, оформлявшими удобное невежество.

Храм Первого Света. Самый древний. Самый красивый. Тот, что стоял с тех пор, когда Небеса ещё только учились называть себя Небесами. Туда не пускали метисов даже в праздничные дни очищения - чтобы не оскверняли.

Арван не составлял список целей. Он составлял реестр лжи, которую кто-то упаковал в камень, золото и торже-

ственные слова - и назвал порядком.

Он закрыл глаза на секунду. Тени на горизонте стали чуть ближе.

Равновесие не защищало мир. Он знал это давно - умом, той холодной частью себя, которая научилась не верить красивым формулировкам раньше, чем научилась ходить прямо. Но знать и доказать - разные вещи. Разница между ними измеряется тем, насколько крепко ты способен держаться за собственную правоту, когда весь хор голосов вокруг повторяет обратное.

Теперь алтарь лежал в пепле. Доказательство было весомым. Система Равновесия защищала тех, кто её создал. Ангелов, которым нужна была монополия на силу. Серафимов, которым нужна была монополия на смысл. Закон, запрещающий смешанные семьи, - не из заботы о порядке мироздания. Из заботы о чистоте иерархии. Закон, запрещающий бессмертным раскрывать себя смертным, - не из сострадания к слабым. Из нежелания делиться весом, который даёт знание. Он это знал. Теперь у него было больше, чем знание.

Была одна вещь, о которой он не думал намеренно - и которая тем не менее иногда поднималась, как осколок со дна.

Мальчик. Семь лет, может восемь. Стоит у ворот квартала, куда не пускают таких, как он. Не плачет - научился не плакать раньше, чем другие дети научились смеяться. Просто смотрит на стражника, который смотрит сквозь него, как сквозь пустое место. Метис. Полукровка. Нежеланный сын

нежеланного союза. Арван не испытывал к этому ребёнку жалости.

Жалость предполагает дистанцию. Он был этим ребёнком - а значит, видел в нём только объяснение. Простое и исчерпывающее, как первая причина в длинной цепи следствий. Вот откуда взялась эта способность не отступить. Вот откуда - умение смотреть на систему без желания в неё вписаться. Тебя отвергают достаточно методично, достаточно последовательно - и ты перестаёшь хотеть быть принятым. Начинаешь хотеть другого. Мальчик у ворот не нуждался в спасении. Он нуждался в том, чтобы ворот больше не было.

Тени подошли ближе - или нет. Трудно сказать. Они не двигались так, как движутся обычные вещи. Они просто оказывались там, где раньше их не было.

Арван почувствовал их раньше, чем заметил. Как давление вдоль позвоночника, как тихое гудение на частоте, которую не слышишь, но ощущаешь всем телом. Тени сгустились по периметру - не угрожая, не требуя. Просто заняли место вокруг него, как вода занимает форму сосуда. Он не сдерживал их. Впервые за столетия - не сдерживал.

Раньше это было вопросом осторожности. Осторожность кончилась вместе с необходимостью прятаться. Тени вокруг него были не инструментом и не оружием. Они были продолжением - той частью его существа, которую система Равновесия требовала держать за закрытой дверью, потому что это было неудобно, потому что это было темно, потому что это

не вписывалось в иерархию света. Сейчас дверь была снята с петель.

Ощущение было похоже на выдох после очень долгого задержанного дыхания. Арван расправил крылья.

Тёмно-красные, почти бордовые в этом свете - или в его отсутствие. Большие. Широкие. Он редко их раскрывал полностью - привычка из тех лет, когда лучше было казаться меньше. Сейчас - незачем.

Он посмотрел вниз, в пустоту между мирами. Потом впред - туда, где тени уже ткали новый рисунок над горизонтом смертного мира. Потом - в сторону, откуда тянуло сквозняком Небес.

Где-то там, на одном из дальних островов, кто-то уже, вероятно, нашёл пепел. Кто-то уже, вероятно, понял. И где-то в гулких коридорах власти, в которых он никогда не был нужен, уже, вероятно, звучало первое слово тревоги - осторожное, неуверенное, ищущее подтверждения тому, во что не хотелось верить.

Арван оттолкнулся от края. Не прыжком — шагом. Спокойным, как всё, в чём больше нет сомнения. Тени пошли за ним.

Глава 2

Глава 2. Белые крылья, чёрный приказ

Свет над Небесами изменился.

Нэста поняла это в тот момент, когда острова внизу начали вырастать из облаков, слишком бледных, слишком ровных, словно с них выдавили всё живое. Она снижалась по широкой дуге, придерживая темп, и видела, как знакомые горизонты лежат под другим освещением: не золотым и не белым, а тем невнятным оттенком, который бывает, когда солнце продирается сквозь давно немытое стекло. Свет был. Но в нём не было тепла.

Она приземлилась у восточного края острова-штаба там, где площадка для прибывающих выходила прямо на обрыв. Камень под ногами чуть вздрогнул от её приземления. Белые крылья она сложила в одно движение, по привычке, не глядя.

С острова алтаря тянуло горелым камнем. Нэста стояла неподвижно и дышала носом, разбирая запах. Не смола, не дерево, а именно камень, раскалённый и раздавленный. Ветер шёл с северо-запада, и ей не нужно было смотреть туда, чтобы знать: ничего, что держалось там прежде, больше не держится.

На площадке было оживлённое обычного. Ангелы стояли небольшими группами по двое, по трое. Разговаривали

вполголоса, не повышая тона, и это само по себе было неправильно: здесь, в штабе, к тишине не привыкали, здесь всегда был шум сборов, команд, отчётов. Теперь голоса звучали как на похоронах. Несколько человек скользнули взглядом по Нэсте, когда она шла мимо, и тут же отвернулись. Не из неуважения. Из чего-то другого, что она не хотела называть словами.

Один из молодых дозорных смотрел в сторону алтарного острова. Нэста проследила за его взглядом, и увидела только полосу бледного неба над горизонтом. Никаких руин, никакого дыма. Слишком далеко. Но дозорный всё равно смотрел, как будто ждал, что там что-то появится. Или надеялся, что не появится.

Нэста прошла мимо него, не останавливаясь. Внутри был длинный коридор с низкими сводами - штаб строился не для красоты. Стены из серого камня, окна узкие, свет просачивается косыми полосами и ложится поперёк пола. Она знала этот путь наизусть: налево, потом прямо, потом лестница вниз, потом снова прямо до двери с кованой петлёй в виде крыла. Ноги шли сами.

У входа она остановилась. Не потому, что колебалась. Просто остановилась. Переложила руку. И только тут, почувствовав твёрдость рукояти под пальцами, осознала, что сжимала её всю дорогу от площадки и, наверное, ещё с того момента, как запах горелого камня первым долетел до неё в полёте. Рука держала меч с такой привычной намертво плот-

ностью, словно разжать пальцы было бы труднее, чем оставить всё как есть.

Нэста разжала. Опустила ладонь вдоль бока, стряхнула ощущение и толкнула дверь. Дежурный за порогом поднял на неё взгляд. Узнал. Встал.

- «Рафаэль ждёт,» - сказал он.

Не «Рафаэль примет тебя через час», не «Подожди». Просто «ждёт». Уже. Сейчас.

Нэста кивнула.

Плохих знаков за этот день накопилось достаточно. Этот был не хуже остальных, просто последний в ряду.

Она пошла за дежурным по внутреннему коридору, и шаги её звучали ровно, и крылья лежали спокойно, и лицо было таким, каким должно быть лицо ангела-исполнителя, идущего на доклад. Всё правильно. Всё на месте. Только воздух вокруг всё ещё пах горелым.

* * *

Рафаэль стоял у окна спиной к ней.

Нэста не сразу переступила порог, задержалась на мгновение, привыкая к свету. Здесь, в этом зале с тонкими каменными колоннами и стеклом, вставленным прямо в облако, свет был другим. Не тёплым. Белым и плоским, как кость. Крылья Рафаэля казались в нём нечёткими, почти прозрачными по краям, два изогнутых паруса, плотно прижатых к

спине. Ни перышко не шевельнулось, когда она вошла.

Она закрыла дверь. Щёлкнул засов. Он продолжал смотреть в окно.

За стеклом не было ничего, кроме неба и далёкой половины другого острова, который сегодня утром оказался ближе, чем вчера. Блуждающие острова двигались быстрее, когда Баланс нарушался. Об этом Нэста знала из книг. Теперь это можно было увидеть.

- «Алтарь мёртв,» - сказал Рафаэль. Голос ровный, как у человека, зачитывающего список. — «Камень разрушен до основания. Ни одного фрагмента, способного к восстановлению.»

Нэста встала у стены, руки вдоль тела, плечи прямые.

- «Я видела руины.»

- «Тогда ты понимаешь, что начнётся дальше.» - Он сделал короткую паузу, словно давая ей время собраться с ответом, хотя ответа не ждал. — «Баланс держался на алтаре уже шестьсот лет. Смертный мир не знал об этом и не узнает. Но первые города начнут умирать раньше, чем мы успеем выстроить что-то вместо утраченного. Тени уже входят в трещины между мирами.»

- «Насколько раньше?»

- «Недели. Может быть, меньше.»

Нэста смотрела на его спину. На чёрно-белый костюм, идеально сидящий, ни складки. На серебристые виски, видные в профиль. На то, как плотно он держит плечи - не жёст-

ко, а именно плотно, как человек, давно привыкший к тому, что ломается.

- «Есть виновный,» - сказал он.

- «Я слышала имя. В коридоре говорили.»

- «Арван.» - Рафаэль произнёс это так, как называют сломанное. Просто. Без злости. Без особого веса. – «Метис. Сын Лассара. Он уничтожил алтарь.»

Тишина. Снаружи что-то скрипнуло, остров оседал, перестраивая собственную ось, как живое существо.

Нэста не позволила себе думать об имени дольше, чем нужно. Она отметила его, и поставила в ряд с остальными фактами.

- «Что мне нужно сделать?»

- «Найти его. Остановить, прежде чем он доберётся до следующего бастиона.» - Пауза. – «Уничтожить.»

Слово упало без украшений.

- «Это единственный путь?»

Рафаэль наконец обернулся. Нэста не отвела взгляда. Она смотрела на него, на лицо, которое время кроило методично, без жалости: каждая морщина лежала в нужном месте, как строка в донесении. Усталость в нём была старше, чем она сама. И в глазах не было ни жестокости, ни равнодушия, а что-то хуже. Определённость.

- «Нет,» - сказал он.

Одно слово. Без уточнений. Без сожаления, не потому что оно ему не было знакомо, а потому что оно давно стало бес-

полезным.

Нэста почувствовала, как что-то внутри нажимает на рёбра с нехорошей стороны. Она не позволила этому выйти.

- «Хорошо.»

- «Ты понимаешь, что это значит?»

- «Да.»

Рафаэль смотрел на неё ещё секунду, не проверяя, не сомневаясь. Просто смотрел. Потом отвернулся обратно к окну.

- «Тогда у тебя нет времени.»

Нэста произнесла слова, которые он ждал. Твёрдо, без дрожи в голосе - голос не подвёл. Руки остались неподвижными. Только крылья за спиной чуть сдвинулись, прижались плотнее к лопаткам, незаметно, она надеялась. Вероятно, незаметно.

Она развернулась и пошла к двери. Засов щёлкнул снова. Каменные плиты под ногами были холодными даже сквозь подошву. Рафаэль не проводил её взглядом. Он уже смотрел в окно туда, где блуждающий остров медленно, неостановимо плыл не туда.

* * *

Галерея нависала над пустотой. Нэста стояла у каменного ограждения, положив руки на холодный парапет, и смотрела вниз. Между островами зияло пространство, которое нико-

гда не называли бездной вслух - только подразумевали. Ветер шёл снизу вверх, как всегда здесь, и трогал выбившиеся пряди каштановых волос. Она не убирала их.

Далеко, над западными островами, тени лежали неправильно. Не так, как ложится тень от облака, это было другое. Темнота там стояла, а не скользила, была слишком плотной для времени суток, слишком ровной для природного явления. Нэста смотрела на неё, и в груди у неё что-то сжималось, не страх, точнее, не только страх. Что-то похожее на предчувствие, которое уже сбылось.

Она не хотела думать это имя. Оно пришло само. Воспоминание поднялось следом, без приглашения, без предупреждения, как поднимается вода в трещине фундамента. Медленно, неотвратно, и никакая сила не заставит её уйти обратно.

Пещера. Темнота, в которой не было ничего злого - просто темнота, почти уютная, пахнувшая влажным камнем и чем-то металлическим, похожим на старое железо. Нэста была подростком, ей снился этот сон несколько раз за одно лето, и каждый раз она просыпалась с ощущением, что упустила что-то важное. Во сне она стояла у входа в пещеру... или, может быть, уже внутри, граница была размытой. Свет не проникал туда с улицы, и всё же она видела.

Он стоял к ней спиной. Крылья были тёмно-красными, как закат перед бурей, как кровь, которая успела потемнеть. Она запомнила это с той ясностью, с какой запоминаются

только сны, которые не объяснишь. Незнакомец не поворачивался. Не двигался. Просто стоял.

И она не боялась. Вот что было невыносимо, не сам сон, а это. Она стояла в темноте рядом с чем-то, чего не знала, и в её подростковой груди не было ни капли страха. Только странное, почти болезненное узнавание. Как будто она пришла туда, куда давно должна была прийти.

Нэста сжала пальцы на парапете. Камень был холодным и шершавым. Реальным.

Она методично начала перебирать детали приказа. Маршрут. Сначала западные острова, там следы свежие. Снаряжение. Ничего лишнего, лёгкий плащ, клинок, который она точила три дня назад. Рафаэль сказал: действовать одной. Рафаэль сказал: не допускать свидетелей. Рафаэль сказал много чего, и каждое слово было ясным, конкретным, не допускающим толкований. Вот так и нужно думать.

Она вспоминала карту, которую развернул один из писарей, тонкий пергамент с отметками, с маршрутами патрулей, с красными кружками над местами, где тени уже просочились в смертный мир. Там были города. Там были люди, которые не знали, что умирают не от болезней и не от стихии. Это тоже было частью приказа, хотя Рафаэль об этом не говорил напрямую. Понималось само.

Арван - маршрут - снаряжение - карта - выход на рассвете.

Она повторяла это про себя, как молитву, которая должна была вытеснить что-то другое.

Не работало. Имя оставалось. Сидело в голове как заноза - не острая, не мучительная, но постоянная. Невозможно было вынуть его одним резким движением. Невозможно было сделать вид, что оно ничего не значит, потому что оно значило: приказ, миссия, конец того, что нарушило Баланс. Всё правильно, всё логично. Слова выстраивались в ряд, и всё равно оставалась щель.

Сон из подросткового возраста. Темнота, в которой было почти уютно.

Нэста выдохнула. Пар от дыхания унесло ветром вниз, в пропасть. Она выпрямилась, отняла руки от парапета и посмотрела на западные острова снова. Тени там стояли на месте. Не двигались. Ждали, или казались ждущими, что почти одно и то же.

Она не была подростком. Сон был давно и ничего не значил. Сны вообще ничего не значат, если не давать им значения.

Арван.

Белые крылья за её плечами чуть сдвинулись от сквозняка, прошедшего вдоль галереи. Нэста не обернулась. Смотрела на тени и думала о маршруте, о рассвете, о том, сколько дней займёт дорога до западных островов. Думала о конкретных вещах. Думала о том, что умеет делать хорошо.

Имя не уходило.

* * *

Он ждал на галерее.

Нэста поняла это, едва толкнула дверь - прохладный воздух открытого неба ударил в лицо, и она увидела его силуэт у перил: высокий, неподвижный, белые крылья сложены с привычной точностью. Слишком неподвижный для человека, который здесь случайно. Она не замедлила шаг.

Рафаэль не обернулся сразу. Смотрел вниз - туда, где под краем острова висело облако, подсвеченное снизу слабым сиянием тающего дня. Серебристые виски поймали этот свет, сделав его на мгновение похожим на статую. Нэста встала рядом и тоже посмотрела вниз, потому что этого требовала вежливость и потому что так не нужно было смотреть на него.

- «Хорошо, что ты задержалась,» - сказал он.

Она не ответила. Ждала.

Рафаэль развернулся к ней, медленно, как человек, у которого не бывает лишних движений. Усталое лицо, прорезанное морщинами, оставалось непроницаемым, но что-то в посадке плеч, в том, как он сцепил руки за спиной, говорило: это продолжение, не новый разговор.

- «Есть одно условие, которое я не назвал при всех.»

Нэста почувствовала, как что-то в ней подбирается... не страх, скорее то особое внимание, которое само по себе уже защита.

- «Арвана нельзя брать живым,» - произнёс Рафаэль. Голос ровный, как зачитывает приговор человек, зачитывав-

ший их слишком много раз. - «Никакого контакта. Никакого разговора. При первой возможности - на поражение.»

Облако внизу медленно расходилось. Нэста следила за этим краем глаза и думала, что дыхание стало чуть мельче, чем должно.

- «Он умеет говорить,» - добавил Рафаэль, и в этом не было предупреждения, а только констатация факта, которую он считал достаточной. - «Любое промедление - риск, который мы не можем себе позволить.»

Нэста кивнула. Один раз, коротко. Тишина длилась достаточно долго, чтобы стать весомой.

- «Почему я?» - спросила она.

Не протест. Просто вопрос, у которого должен быть точный ответ. Она хотела знать, что именно он о ней знает, что он считает годным и что уже учёл, посылая именно её туда, откуда, возможно, не возвращаются.

Рафаэль посмотрел на неё. По-настоящему посмотрел, не мимо, не сквозь, а прямо, и этот взгляд был неприятен своей тщательностью, как осмотр перед боем, где важно не пропустить трещину.

- «Потому что ты не дрогнешь.»

Пауза.

- «Я в это верю.»

Слова упали тихо без торжества, без лишнего тепла. Именно так, как говорят о вещах, не требующих украшения.

Нэста держала его взгляд. Три секунды, четыре. Дала ему

увидеть ровное лицо, бледное в вечернем свете, внимательное и спокойное. Потом кивнула ещё раз и отступила от перил.

Она шла по галерее, слыша под ногами знакомый звук камня - плотный, тихий, как будто остров дышит, и думала, что он неправ. Не потому, что она слабее, чем он считает. Не потому, что миссия невыполнима. А потому, что он сказал это так, словно вера в неё была подарком. Это было давление.

Форма верёвки, которую вручают человеку с таким видом, будто дарят честь. «Ты не дрогнешь.» Не вопрос - заключение. Уже принятое. Уже включённое в расчёт, пока она ещё только шла по коридору и не знала, что её ждут.

Нэста не замедляла шаг. Что-то внутри, там, где имя Арвана оставило след несколько минут назад, сделалось ещё тише, ещё плотнее. Как будто она сама себе приказала замолчать, и приказ был принят.

Она не обернулась. Рафаэль остался стоять у перил, и она не видела его лица. Но знала, без всякой магии, просто потому что слишком долго служила под его командованием, что он смотрит ей вслед с тем же выражением, с каким смотрел на облако.

Спокойно. Уверенно. Как человек, который уже получил ответ.

Меч лежал на постели поверх сложенного плаща - короткий, с простой рукоятью без украшений. Нэста взяла его двумя пальцами, проверила ножны, застегнула ремень. Движения были отработанными до автоматизма: плащ через плечо, застёжка у горла, ничего лишнего. Несколько лет назад она взяла в поход смену одежды и запасной нож, и оба предмета так и остались нетронутыми до возвращения. С тех пор она не повторяла ошибки.

Лёгкий вес — это тоже форма порядка. Форма ясности. Комната была маленькой даже по меркам казарм: узкое ложе, сундук у стены, окно в половину роста для света. Сейчас сквозь него лился холодный утренний жёлтый, почти не дававший тепла. Нэста подошла к окну и увидела своё отражение в стекле.

Бледное лицо. Каштановые волосы в низком хвосте, несколько прядей выбились у висков, она заправила их обратно. Туника, плащ, штаны. И за плечами белые крылья, в утреннем свете казавшиеся почти серыми.

Она смотрела на себя без жалости и без гордости. Просто смотрела. Так выглядит инструмент Небес.

Не воин - хотя она умела воевать. Не охотник - хотя умела выслеживать. Что-то проще, точнее. Что-то, у чего нет имени, требующего произнесения вслух, потому что имя придавало бы этому слишком много объёма. Рафаэль знал это. Именно поэтому он выбрал её. Не потому, что она сильнейшая,

а потому что умела убирать из себя всё ненужное, пока не оставалось только то, что нужно для дела.

Нэста отвела взгляд от стекла. За окном парил соседний остров - дальний, почти скрытый утренней дымкой, и на его краю темнели развалины, которых три месяца назад ещё не было. Каждый день прибавлял по камню. Каждый день Баланс давал трещину чуть глубже. Она застегнула последний ремень.

Вот тогда оно поднялось, без предупреждения, как всегда. Не мысль, не воспоминание - ощущение. Темнота пещеры, тёплое и тяжёлое. Запах камня и чего-то горелого, дальнего. И тёмно-красные крылья - огромные, как закрытое небо.

Нэста сжала ремень в кулаке. Это был сон. Это всегда был только сон - один из тех, которые приходили в подростковые годы, когда крылья ещё болели при росте, а сила ещё не знала своей формы. Глупость. Остаток чего-то, что так и не стало настоящим.

Она обрезала нить. Не усилием воли, которая была бы здесь слишком громкой, слишком явной. Просто закрыла. Так же, как закрывают ставни перед бурей: не потому, что боятся, а потому что стекло всё равно ничего не удержит.

Пещера исчезла. Осталась только комната, меч на боку, холодный свет в окне.

Нэста взяла с сундука последнее, свёрнутую карту межостровных течений, заложила за пояс. Постояла секунду, глядя в пол. Потом произнесла про себя имя - тихо, как произ-

носят цену вещи перед тем, как её купить.

Арван.

Не человек с тёмно-красными крыльями. Не незнакомец из пещеры. Не то, что она когда-то видела во сне и почему-то запомнила до последней детали. Просто имя, которое теперь означало одно: направление. Расстояние. Задача с определённым условием завершения.

Рафаэль сказал это без обиняков. Сказал то, что сделало приказ по-настоящему тяжёлым. И тяжесть была честной - Нэста не собиралась притворяться, что её нет. Но тяжесть не отменяла необходимости.

Именно это отличало её от тех, кто ломался. Она ещё раз посмотрела на свои руки: спокойные, без дрожи. Потом повернулась и вышла из комнаты, не оглядываясь.

За спиной белые крылья расправились сами, по привычке, по инстинкту, по тому закону тела, который не требовал разрешения.

Утро было холодным. Под ногами камень парящего острова. Впереди край, и за ним пустота между мирами. Нэста шагнула вперёд.

Глава 3

Глава 3. Столетия в темноте

Мать пахла молоком и чем-то горьким - так пахнут травы, которые заваривают, когда боятся.

Арван сидел на полу, подогнув ноги, спиной к кровати. Он так не хотел. Он хотел держать её за руку, но рука была очень тяжёлой и очень холодной, и от этого у него в животе стало пусто, как бывает, когда долго не ешь. Он перехватил её двумя руками - так держат что-то хрупкое. Пальцы матери не сжались в ответ.

За окном был день. Светлый, совсем обычный день, с шумом улицы внизу, чьи-то голоса, скрип колёс, где-то смеялись дети. Арван не понимал, как снаружи может быть такой обычный день.

Мать дышала. Дышала неправильно, с долгими паузами между, с хрипом, который он слышал даже сквозь шум с улицы. Иногда она останавливалась совсем, и тогда он замирал, и его сердце тоже как будто останавливалось, пока не приходил следующий выдох.

Он прижал её ладонь к своей щеке. Ладонь была тяжёлой и холодной, и щека от этого тоже стала холодной. Он не убрал.

Он не знал, зачем он это сделал. Просто казалось, если она

почувствует его кожу, она проснётся и скажет что-нибудь. Что угодно. Любое слово. Она умела называть его по имени так, что всё сразу становилось на место. Она не проснулась.

Он сидел и смотрел на её лицо - серое, чужое, с провалившимися щеками. Несколько дней назад оно было другим. Он помнил - несколько дней назад она ещё сидела и расчёсывала ему волосы, и её пальцы были тёплыми.

Потом в комнату вошли. Арван поднял голову не сразу - сначала почувствовал свет. Не тот, что из окна. Другой - ровный, без теней, неприятный. Обернулся.

В дверях стояли двое.

Он не знал, как их назвать. Он видел крылья - большие, белые, плотно сложенные, почти касавшиеся дверных косяков с обеих сторон. Одеты в белое. Лица - как лица, только слишком ровные, слишком спокойные. Он смотрел на них и ждал, что они скажут что-нибудь, объяснят, что случилось, скажут, что делать. Они не смотрели на него.

Оба смотрели на мать — долго, внимательно, как смотрят не на человека, а на что-то, что нужно понять и описать. Потом один из них перевёл взгляд на Арвана.

Арван не отвёл глаз. Он был маленьким, но он не отвёл глаз. В этом взгляде не было злости. Не было жалости. Было что-то хуже - была оценка. Взгляд, которым смотрят на вещь, которую нашли не там, где она должна лежать.

Второй наклонился к первому и произнёс слово - тихо, почти беззвучно, но в маленькой комнате Арван услышал.

Одно слово. Он не знал, что оно значит. Он был трёхлетним ребёнком, он вообще знал ещё очень мало слов. Но интонацию он запомнил.

Так говорят, когда выносят что-то на мусор. Без сожаления и без злости - просто констатация. Так бывает с вещами, которые не нужны, не опасны, просто - не нужны. Мать выдохнула.

Арван не сразу понял. Выдох был долгим и тихим, и он ждал следующего вдоха. Он держал её ладонь у своей щеки и ждал. Пять секунд. Десять. Шум с улицы не прекращался - всё тот же смех, всё те же голоса. Следующего вдоха не было.

Один из крылатых подошёл и взял Арвана за плечо - не грубо, просто взял, как берут за ручку дверь, которую нужно открыть. Арван отпустил руку матери. Не хотел - просто его уже вели, и ноги переставлялись сами.

- «Куда?» - спросил он.

Никто не ответил.

В коридоре было темнее. Арван шёл и смотрел под ноги на дощатый пол, тёмные щели между досками. Он не плакал. Он был слишком маленьким, чтобы знать, что это называется горем. Он знал только, что внутри у него что-то сломалось не было больно, а как будто что-то закрылось и щёлкнул замок. На пороге он обернулся. Дверь в комнату матери оставили открытой. Он видел кусок кровати, свет из окна, край одеяла. Никто не закрыл её глаз. Никто не поправил одеяло. Комната осталась открытой, как открытым оставляют место,

где уже ничего нет и незачем заходить.

Его повели вниз по лестнице. Арван смотрел на открытую дверь до последнего, пока лестница не скрыла её из виду - и тогда наконец отвернулся.

* * *

Свет падал сверху. Узкая щель в потолке - не окно, просто трещина, случайная, как всё в этом месте. Утром сквозь неё просачивался бледный рассвет. В полдень - прямая полоска, режущая темноту напополам. К вечеру гасла, и темнота смыкалась, плотная, почти осязаемая.

Арван лежал на каменном полу и смотрел в эту щель. Он уже не помнил, сколько раз видел, как она светлеет и гаснет. Первые дни считал. Делал царапины на стене у изголовья - аккуратные, ровные, четыре вертикальных и одна косая поперёк. Рука была маленькой, ногти ломались о камень, но он старался. Это казалось важным - держать счёт, удерживать время, доказывать самому себе, что оно движется. Потом царапины начали сливаться.

Он пробовал считать их снова, сбивался. Делал новые рядом - уже не так аккуратно. Ещё дальше. В конце концов бросил: стена была покрыта отметинами до уровня пояса, и они ничего больше не означали. Просто следы того, что он когда-то хотел знать, сколько прошло времени.

Времени прошло много. Он вырос — это было заметно по

тому, как изменилось расстояние от каменного пола до щели в потолке. Раньше она казалась далёкой. Теперь, если встать и вытянуть руку, пальцы почти касались края.

Еду приносили. Сначала часто - горшок с варевом, лепёшка, иногда вода с привкусом железа. Потом реже. Потом совсем редко - раз в несколько дней, а может и дольше, он уже не мог определить точно. Кто-то открывал дверь, ставил миску на пол, закрывал. Ни слова. Ни взгляда. Будто в камеру приходили не к нему, а к месту, которое по привычке нужно было обслуживать. Потом еда не пришла.

Он ждал. Лежал у двери и слушал - шаги в коридоре, далёкие голоса, что-то, что было жизнью по ту сторону. Шаги проходили мимо. Голоса затихали. Снова ждал.

На третий день - или четвёртый, живот уже перестал болеть, просто сжался в тугий узел - он понял. Не то, что его наказывают. Наказание предполагало, что ты сделал что-то не так, что тебя помнят достаточно, чтобы злиться. Это было другое. Его просто не помнили.

Он поднялся. Подошёл к двери. Дерево было старым, разбухшим от влажности; по нижнему краю тянулась чёрная полоса плесени.

Арван ударил в дверь кулаком. Потом ещё раз. Потом закричал — громко, изо всей силы, так, что горло заболело:
- «Есть кто-нибудь?!»

Эхо метнулось по коридору. Прокатилось и вернулось к нему, немного искажённое, чуть тише. Словно насмешка над

самим собой. Тишина.

Он стоял у двери, прижав ладонь к дереву, и слушал. Ждал хоть какого-нибудь движения - скрипа, шага, дыхания. Ничего.

Отошёл. Лёг на пол. Больше не кричал. Это было, наверное, самым странным: он не плакал. Может быть, уже не умел - или слёзы кончились ещё тогда, у материнской постели, и с тех пор внутри стало суше, тише. Он просто лежал и смотрел в щель над головой. Облако прошло - медленное, белое, равнодушное.

Темнота наступала постепенно. Он заметил тени не сразу. Сначала думал, что глаза обманывают его - слишком долго в полутьме, слишком мало еды. Но нет. Тень от стены у двери лежала не там, где должна была. Свет шёл сверху, значит, тень должна была падать вниз, к полу. А она тянулась в его сторону. Медленно, почти незаметно - как вода, стекающая по наклонной поверхности. Арван сел. Смотрел.

Тень снова сдвинулась - на ладонь, не больше. Потянулась к его колену и остановилась.

Он поднял взгляд на другой угол. Там тоже. Тёмное пятно у основания стены было больше, чем должно быть, и оно было живым - не в том смысле, что двигалось быстро, а в том смысле, каким живым бывает пламя свечи: чуть колыхнется, дышит.

Арван не двигался долго. Думал. Пытался вспомнить, что знал - а знал он мало: мать говорила о Небесах и о том, что

он особенный, но никогда не объясняла, что это значит. Те, кто его сюда бросил, не говорили ничего вообще.

Может быть, это был признак безумия. Может быть, темнота внутри него нашла темноту снаружи. Он медленно вытянул руку. Тень качнулась навстречу. Кончики пальцев коснулись её - или она коснулась их, он не понял. Не было холода, не было боли. Было что-то похожее на узнавание: как когда берёшь в руку камень, который лежал под рукой всё время, просто ты не замечал.

Арван сжал пальцы. Тень сжалась вместе с ними. Он долго сидел так, не отпуская, глядя в щель над головой. Полоска неба потемнела до синего, потом до черноты. Никто не пришёл.

Ничего не изменилось - стены, запах сырости, плесень на двери. Но что-то сдвинулось внутри, тихо и необратимо, как трещина в камне, которую не видно, пока не станет поздно.

* * *

Он не считал годы.

Сначала, потому что надеялся, что они кончатся. Потом, потому что перестал. Время в темнице не шло, оно накапливалось, как вода в закрытом сосуде: без движения, без смысла, без направления. Однажды Арван понял, что крылья его изменились: там, где перья прежде были цвета угля, теперь просвечивало что-то тёмно-красное как кровь, успевшая за-

печься на камне. Он долго смотрел на одно перо, поднесённое к свету щели под потолком. Это не испугало его. Это просто было фактом.

Тело изменилось вместе с крыльями. Руки вытянулись, плечи раздалились, голос осел ниже, он обнаруживал это постепенно, как замечают плесень на стене: уже после того, как она разрослась. Никто не приходил, чтобы сообщить ему, что он вырос. Никто не приходил вообще.

Тени он заметил случайно.

Он лежал на спине, глядя в потолок - занятие бессмысленное, но привычное, как дыхание - когда углом зрения уловил, что тень в углу сдвинулась. Не от ветра. Не от факела - факелов ему давно не оставляли. Просто сдвинулась, слегка, почти незаметно, туда, куда смотрело его внимание.

Он поднялся медленно. Снова посмотрел в угол. Тень снова качнулась. Арван провёл в неподвижности ещё несколько часов - или дней, он не различал - просто наблюдая. Проверя. Тень реагировала на взгляд: не на каждый, не всегда, но достаточно часто, чтобы это не было случайностью. Тогда он начал.

Первые попытки были бестолковыми. Он смотрел на тень и хотел, чтобы она двигалась. Иногда она двигалась. Чаше - нет. Он не злился. Злость казалась ему бесполезным расходом того немногого, что у него было: внимания, терпения, времени. Времени было слишком много, чтобы торопиться.

Он начал фиксировать закономерности - в уме, потому

что ничего другого не было. Движение реагирует не на желание, а на намерение. Желание — это шум, намерение — форма. Когда он хотел, чтобы тень переместилась к левой стене, она не двигалась. Когда он представлял её уже там - уже прибывшей, уже существующей в новом месте - она скользила.

Так прошло то, что могло быть годом. Потом ещё один.

Тени начали слушаться. Сначала робко - скользили по стенам, следуя за его взглядом, как привязанные на длинный поводок. Потом точнее. Он учился давать им форму: конус, полоса, нечто похожее на ладонь. Форма держалась секунды, потом рассыпалась. Он добивался минут. Потом - устойчивости. Методично, без спешки, как будто выкладывал камни в кладку: один к одному, проверяя каждый на прочность. Каждая неудача регистрировалась как факт. Не так. Иначе. Снова.

Он не знал, что именно в нём позволяет это делать. Демонская кровь - возможно. Или просто одиночество достаточно долгое, чтобы что-то в нём перестроилось под доступный материал. Это тоже не интересовало его как вопрос. Интересовало только одно: как далеко это может пойти.

Ответ оказался далеко. Тени умели сжиматься и расширяться. Умели проникать в щели. Умели удерживать давление - он проверял это, прижимая их к стене, к полу, к потолку, пока они не начинали вибрировать от усилия. Однажды он загнал одну в угол и держал там так долго, что потерял

сознание. Очнулся на полу. Тень стояла в углу, неподвижная и послушная. Он смотрел на неё снизу вверх.

Хорошо, подумал он. Значит, вот где граница. Он начал работать с границей.

В тот день - или ту ночь, различие давно перестало что-либо значить - когда тени впервые сложились в человеческий силуэт, Арван не планировал этого. Он просто собирал их, как собирают воду в пригоршни: много, плотно, чтобы почувствовать вес. Тень сгустилась. Обрела пропорции. Плечи, опущенные немного вперёд. Голова, наклонённая чуть набок. Руки, опущенные вдоль тела. Он узнал этот силуэт раньше, чем понял, что узнаёт.

Мать стояла посреди камеры из темноты и ждала - так, как она ждала всегда: тихо, без претензий, без упрёка. Он помнил эту позу лучше, чем лицо. Лицо стёрлось давно, размылось в чём-то абстрактном и тёплом. Поза осталась.

Арван смотрел на силуэт долго. Несколько минут, может больше. Потом поднял один палец и рассеял его - одним небрежным жестом, как разгоняют дым.

Тьма осела обратно на пол, безликая и послушная. Лицо осталось спокойным. Не потому, что ему было всё равно - он заметил тихое что-то внутри, похожее на натянутую струну, которую не следует трогать. Он просто решил не трогать. Сентиментальность была роскошью, которую он не мог себе позволить. Не здесь. Не в этом месте, где его оставили гнить за то, что родился не тем, кем должен был.

Мысль пришла не как откровение. Скорее как итог, который слишком долго шёл к точке. Мир, построенный на чьей-то боли как на фундаменте, не нуждается в сохранении. Он нуждается в замене. Баланс, который держится на том, что одних загоняют в тёмные ямы и забывают о них — это не баланс. Это договор сильных за счёт тех, кому нечем возразить. Небеса, для которых он был ошибкой природы, не стоили того, чтобы их защищать. Они стоили того, чтобы построить на их месте что-то, у чего другие правила.

Арван сел на пол, опёрся спиной о холодный камень. Тёмно-красные крылья сложились за спиной. Тени тихо ждали по периметру - привычные, ручные, свои. Времени было ещё очень много. Он мог подождать.

* * *

Охранник пришёл один. Арван заметил это сразу по звуку: один комплект шагов, один ритм, никаких эхо от второго. Он лежал в углу и не менял позы. Ждал, пока дверная решётка не открылась и свет масляного фонаря не пополз по полу. Один. Усталый. Нёс миску, не придерживая меч.

Арван сидел в дальнем углу камеры - там, куда свет не добирался полностью. Это было привычкой, выработанной без намерения: просто туда, где темно, где тени плотнее. За столетия он перестал считать это осознанным выбором. Угол был тёмным. Он был в углу.

Охранник поставил миску на каменный уступ у двери. Не смотрел в сторону Арвана. Смотрел в стену напротив, немного в сторону - взгляд человека, который пришёл исполнить обязанность и думает о чём-то своём.

Арван смотрел на него. Не на миску. Не на дверь, которая ещё была открыта. На охранника, на наклон его плеч, на то, как он переносит вес с ноги на ногу. Усталость. Не страх, не скука, не настороженность. Усталость сквозила в каждом движении, и это было важно: уставший человек не проверяет углы.

Тени двинулись. Арван не отдавал им команды. Он просто позволил. Или они двинулись сами, почувствовав то, что он ещё не успел осознать словами. За столетия он перестал понимать разницу: где заканчивается решение и начинается тьма, которая его исполняет.

Охранник ничего не услышал. Возможно, был звук краткий, тихий. Арван не помнил после. Он помнил, как встал с каменного пола медленно, без спешки и постоял секунду, глядя на неподвижную фигуру у стены. Потом подошёл к двери.

Порог он переступил спокойно. Коридор был длинным, слабо освещённым масляные светильники стояли редко, и между ними лежали широкие полосы темноты. Арван остановился. Посмотрел в одну сторону, потом в другую.

Тихо. Только далёкий, почти неслышимый звук, будто что-то движется где-то вверху, снаружи. Он выбрал направ-

ление и пошёл. Не бежал. Это было важно, он понял это где-то в первых десятилетиях одиночества, ещё до того, как тени стали по-настоящему слушаться: бег привлекает внимание, бег - признак паники, а паника означает, что ты не знаешь, куда идёшь. Он знал. Или думал, что знает, что достаточно близко к одному и тому же.

Коридор вёл вверх. Он чувствовал это по уклону камня под ногами. Несколько поворотов, ещё один подъём - и потом стена с дверью, за которой тянуло сквозняком. Настоящим воздухом. Не затхлой сыростью камеры, не запахом горящего масла, а чем-то холодным и пустым, пахнущим облаками.

Арван выбил дверь без усилий. Она поддалась - старое дерево, заржавевшие петли. Всё-таки его давно перестали считать угрозой, требующей серьёзных засовов.

Снаружи было небо. Он остановился на пороге. Смотрел. Небеса — это всегда было сложно описать тем, кто их не видел, и не нужно описывать тем, кто видел. Острова висели в облаках: одни близко, другие - едва различимыми силуэтами на горизонте. Далеко, там, где воздух становился совсем прозрачным, горели огни храмов - белые, устойчивые, как звёзды, которые никуда не торопятся. Арван смотрел на всё это.

Не с восхищением. Не с горечью. Просто смотрел. Оценивал пространство: расстояния, направления, где острова ближе, где дальше, что между ними и им только воздух или

что-то ещё. Он просчитывал так же, как когда-то в камере считал часы по смене охраны, пока ещё помнил, что такое часы. Крылья развернулись сами.

Тёмно-красные, широкие, он почти забыл, как это, когда они не сложены. За столетия они привыкли к тесноте. Он привык к ним сложенными. Первый взмах был неловким. Второй уже лучше.

Он поднялся. Не высоко, просто оттолкнулся от края, и остров с темницей начал уменьшаться внизу. Арван не смотрел на него. Смотрел вперёд, на горизонт, где блуждающие острова медленно, почти незаметно глазу меняли положение.

Он не чувствовал облегчения. Это было неожиданно, он ожидал что-то почувствовать, или предполагал, что ожидает. Но внутри было ровно. Спокойно так, как бывает спокойно, когда долго готовишься к чему-то, а потом это начинается, и оказывается, что ты уже внутри, и уже не нужно готовиться.

Столетия в темноте сложили что-то. Он не выбирал форму, она сложилась сама, как складывается всё, что долго лежит под давлением. Темнота, одиночество, охранники, которые перестали смотреть в угол, всё это были не обстоятельства заключения. Это были инструменты.

Просто он слишком долго думал, что заключение — это конец. Теперь он знал: это было начало.

Впереди был один из блуждающих островов - тёмный силуэт, без огней, без признаков присутствия. Арван лёг на ве-

тер и полетел к нему. Ровно, без спешки, как человек, у которого вся впереди - дорога, а не только первый шаг.

* * *

Тьма здесь была другой. Не та плотная, намеренная темнота темницы, пропитанная чужими решениями и чужой волей, здесь она была просто собой. Арван прошёл вглубь пещеры, пока снаружи не осталось ничего, кроме далёкого белёсого пятна, и остановился. Потолок уходил куда-то вверх. Под ногами холодный камень, гладкий, как будто вода работала над ним долго, прежде чем остров оторвался от земли и ушёл в небо. Он сел прямо на пол. Прислонился спиной к скале. Остался.

Это был первый раз, когда он выбрал место сам.

Тени двигались. Он чувствовал это раньше, чем видел - лёгкое смещение в воздухе, как будто что-то стянулось к нему со стен, с потолка, из трещин между камнями. Они не были похожи на тени в темнице. Те были молодыми, беспокойными, шарахались при малейшем движении и отступали, стоило ему попробовать коснуться их намерением. Эти - другие. Старые. Они осели в этой пещере давно, задолго до того, как Арван вообще научился ходить, и успели приобрести нечто вроде характера.

Они подошли. Он не протянул к ним силу — просто разрешил. Это было единственное слово, которое подходило:

разрешил. Тени скользнули по его рукам, по тёмно-красным крыльям, сложенным вдоль спины, поднялись к острым скулам, почти как прикосновение, почти как вопрос. Арван не двигался. Через некоторое время тени улеглись вокруг него, и в пещере стало спокойно.

Он просидел так долго. Считать не было смысла. Потом встал.

У края пещеры, где скала обрывалась в ничто, облака расходились редкими разрывами - и сквозь них был виден смертный мир. Далеко внизу, дальше, чем казалось возможным, мерцали огни. Города. Прямые улицы, окна, движение - крошечные тени людей, ещё меньше, чем точки, просто угадываемые по тому, что огни не стояли на месте, они ползли, перетекали, гасли и зажигались снова. Кто-то шёл домой. Кто-то открывал лавку. Кто-то смотрел в небо, не зная, что смотрит в том числе и сюда.

Арван стоял на краю и смотрел вниз без жалости и без ненависти. Они не знали. Вот что было главным. Они совершенно не знали, что их мир держится на правилах, которые не они придумали, в пользу сторон, о существовании которых они не подозревали. Они жили и умирали в рамке, нарисованной чужой рукой, и не видели рамки, потому что никто не давал им возможности увидеть. Это не было особой жестокостью. Это было просто устройством вещей.

Устройство вещей его и интересовало. Он думал о матери. Не часто - реже, чем можно было бы ожидать. Боль, которая

когда-то была связана с этой памятью, давно стала чем-то иным. Более плотным. Более полезным. Он помнил её руки на своих плечах, помнил запах дешёвого мыла и что-то ещё, сладковатое, что он так и не смог опознать, травы, которые она держала у изголовья. Помнил, как она говорила его имя, последний раз, когда ещё могла говорить. Как будто проверяла, что он настоящий.

Он был настоящим. Это не помогло. Ему было три года, и он ничего не понимал, но запомнил всё. Потом, в темнице, у него было достаточно времени, чтобы разобрать воспоминания на части и понять, что именно произошло в той комнате. Кто пришёл. Что сказал.

Крылатый в белом стоял над её телом и произнёс слово. Один раз, коротко, как ставят точку в конце документа.

«Нарушение.»

Не её имя. Не слова соболезнования. Не вопрос к маленькому ребёнку, который сидел в углу и смотрел. Просто это слово - тихо, с удовлетворением хорошо сделанной работы. Как будто смерть смертной женщины, посмевавшей иметь ребёнка не от того, от кого следовало, была именно тем исходом, которого правила и требовали.

Равновесие восстановлено. Нарушение устранено. Арван стоял у края пещеры и смотрел на огни внизу.

Решение было принято не здесь. Он понимал это с достаточной ясностью, чтобы не обманываться. Решение зрело долго - в темнице, в тишине, в тех ночах, когда тени ещё не

слушались его и он лежал на холодном полу, глядя в потолок и разбирая по кирпичикам логику мира, который его сюда поместил. Он понял её раньше, чем обрёл силу. Он принял её раньше, чем она получила имя.

Но здесь, на этом острове, в этой пещере, куда он пришёл сам и где тени встретили его как своего, здесь у решения появилось слово.

«Алтарь.»

Алтарь, который держит Равновесие. Который делает правила правилами. Который стоит на Небесах, как будто так было всегда и должно быть вечно, и никто никогда не спросил, хочет ли кто-нибудь жить в этом вечно.

Сначала - алтарь. Ветер пришёл снизу, из-под облаков, холодный и влажный, пахнувший смертным миром: дымом, металлом, чем-то едва уловимо живым. Тёмно-красные крылья Арвана раскрылись чуть, поймали воздух не для полёта, просто рефлекс, равновесие. Он смотрел на огни ещё какое-то время. Потом вернулся в глубину пещеры. Тени сомкнулись за ним бесшумно, как вода.

* * *

Пещера не изменилась. Это было первое, что он отметил, вернувшись, почти удивление, если бы был способен удивляться. Те же стены, мокрые от конденсата. Тот же запах камня и стоячей воды. То же отсутствие света, которое давно

перестало быть темнотой - просто привычная среда, в которой всё видно иначе, чем видят другие.

Только тени были другими. Раньше они лежали смирно, густели по углам, растекались вдоль трещин в камне, знали своё место. Теперь они двигались. Не суетливо, не тревожно - медленно, как дышит что-то большое во сне. Алтарь был разрушен, Баланс надломлен, и они это чувствовали раньше, чем он сам успел осознать сделанное. Тени всегда знали первыми.

Арван остановился у входа и смотрел на них некоторое время. Первый шаг был сделан. Этот факт существовал отдельно от него, как существует вес камня - независимо от того, держишь ты его или нет.

Он прошёл вглубь и сел на каменный выступ, где сидел столетиями до этого. Поза была та же - спина прямая, руки на коленях, взгляд в никуда. Не усталость, просто ожидание. После того как сила уходит резко и сразу, телу нужно время, чтобы вернуться в себя. Не боль, он привык к боли давно, она давно перестала быть информацией. Просто тихий гул в крови, который утихнет сам.

Он отметил, что тела не болят. Это был нейтральный факт. Он занёс его куда-то внутрь, туда, где хранил всё, что не требовало немедленного ответа, и позволил тишине делать своё дело. Тени медленно улеглись, не полностью, они уже никогда не лягут полностью, но успокоились, перестали дышать так громко. Арван сидел и не думал ни о чём кон-

кретном. Просто ждал.

Где-то в этом ожидании всплыли лица. Не образы из снов, он почти не видел снов, а что-то вроде инвентаря. Лицо охранника, который приносил воду раз в несколько дней и никогда не смотрел в глаза. Лица в белых одеяниях, мелькавшие за решёткой - крылья прижаты, взгляды обращены мимо. Кто-то ещё, чьи черты уже расплылись настолько, что осталась только человеческая форма, ничего больше.

Он понял, что не помнит ни одного имени. Не то чтобы забыл. Он никогда их не знал, а если и слышал - не удержал. Имена не были нужны. Они не были нужны там, а здесь, столетия спустя, тем более не нужны. Его это не беспокоило. Он проверил - аккуратно, как проверяют, не осталось ли что-то в пустом кармане, и не нашёл ничего похожего на беспокойство.

Хорошо. Беспокойство — это было бы лишнее. Тени шевельнулись у его ног, и одна из них потянулась к его руке, как тянется животное, которое хочет напомнить о себе. Арван не отстранился. Просто позволил. Холод был привычным. Именно тогда пришёл образ.

Он не вызывал его. Это важно, он точно не вызывал. Образы, которые он вызывал намеренно, были другими: чёткими, функциональными, нужными. Этот пришёл сам, как приходит что-то, что давно лежало в тёмном углу и вдруг решило выйти на свет.

Белые крылья. Каштановые волосы, собранные небрежно.

Бледное лицо с тем особым вниманием, которое означает не панику и не ненависть. Что-то другое.

Он смотрел на этот образ внутри себя и пытался понять, откуда он. Не где он видел её — это он помнил, это было давно и мельком, в момент, когда всё происходило слишком быстро для лишних деталей. Он пытался понять, почему образ пришёл сейчас. После разрушения алтаря. После того как первый шаг уже невозможно отменить. Ответа не было.

Тени у ног снова пошевелились, чуть тревожнее, почувствовали что-то в изменении его внимания. Арван убрал тревогу — это было просто, почти механически, как убирают вещь, которая мешает пройти. Тени успокоились.

Взгляд из образа не был страхом. Страх он умел читать. Страх имел определённый рисунок - расширенные зрачки, напряжение в линии рта, крылья, чуть поднятые для побега. Это было другое. Он не мог назвать это другое. В его инвентаре не было для него слова - или слово было, но он его убрал так давно, что забыл, куда.

Арван встал. Движение было плавным, без усилия. Тени немедленно потянулись за ним, не угрожающе, просто следовали, как следуют за тем, кому принадлежат. Он прошёл несколько шагов вглубь пещеры, туда, где камень становился плотнее и холоднее, где даже тени вели себя иначе, не двигались, просто были.

Следующий шаг был уже ясен. Он знал его давно, просто теперь алтарь больше не стоял на пути.

Образ всё ещё был где-то внутри. Белые крылья, взгляд без страха. Арван не искал имени. Имена не были нужны. Он уже решил это для себя, для тех лиц из темницы, и для этого тоже. Имя было бы лишним весом, а он давно научился не носить ничего лишнего.

Но образ он не рассеял. Просто позволил ему лежать там, где лежал, в том тёмном углу, откуда он пришёл. Не убирал и не смотрел. Просто не трогал. Тени расступились перед ним, и он пошёл вглубь.

Глава 4

Глава 4. Город, которого больше нет

Нэста опустилась на краю крыши, заброшенная, судя по растрескавшемуся парапету, и почти сразу почувствовала, как что-то зашло в ноздри. Горелое. Сладкое. Что-то третье, для чего не нашлось слова, но которое она сразу же узнала, так пахнет плоть, когда её уже не спасти.

Она сложила крылья. Это требовало усилия, не физического, а другого, того, что труднее назвать. Белые крылья втянулись, сжались, исчезли под кожей в один тихий выдох боли. Нэста накинула плащ поверх рубашки, застегнула молчаливо, привычно. Закон Равновесия не спрашивал, удобно ли ей. Он просто стоял. Внизу был город.

Небо над кварталами выглядело неправильно. Не тёмным, солнце ещё висело где-то за слоем серой мути, и свет просачивался сквозь неё, как через грязное стекло. Ни дыма, ни огня, она успела проверить с высоты. Просто серость, плотная и неподвижная, осевшая над крышами, как будто кто-то накрыл этот кусок города войлоком.

Нэста спустилась по пожарной лестнице и вышла на улицу. Первые шаги показали ей разбитые витрины, но не ограбленные, а именно разбитые: стекло лежало внутри и снаружи вперемешку, витрина одного магазина зияла пустым прямо-

угольником, из которого никто ничего не вынес. На тротуаре вещи. Чья-то сумка, раскрытая, с рассыпавшимися по асфальту ключами. Детские ботинки, оба, поставленные ровно у бордюра, словно ребёнок снял их специально. Коляска, перевёрнутая на боку.

Где-то вдали кашляли. Долго, мучительно, с влажным надрывом, который слышался даже через пустые кварталы. Потом детский плач, обрывистый, уставший, плач уже не первого часа.

Нэста остановилась. Она видела войны. Она видела то, что происходит после войн. Но здесь не было ни армий, ни знамён, ни тел с ранами от оружия. Просто город, из которого ушло что-то необходимое. Как из тела, когда оно ещё дышит, но уже знает.

На стене дома через дорогу она увидела прожилки. Чёрные, тонкие, разошедшиеся по штукатурке от одной точки у водосточной трубы. Они шли вверх, расходясь, ветвясь, находя щели между кирпичами и вгрызаясь в них, так растёт плесень, так растёт что угодно, что ищет не свет, а темноту и сырость. Нэста подошла ближе. От стены не шло тепла, скорее, лёгкий холод, несоразмерный октябрьскому утру. Прожилки не двигались. Они просто были. Но у основания самой толстой из них камень потемнел на ширину ладони, и она почти слышала, как темнота расширяется медленно, не спеша, с уверенностью чего-то, что не боится помех.

- «Мне нужна только вода.»

Нэста обернулась. Мужчина шёл вдоль стены, опустив голову. Немолодой, в куртке, которая, кажется, была застёгнута неправильно, на один крючок вбок. Кожа у него была неправильного цвета: не загорелая, не бледная, а сероватая, как бумага, которую долго мочили. Он смотрел перед собой, но взгляд его не фиксировался ни на чём, скользил по асфальту, по стенам, по ней, и снова по асфальту.

- «Мне нужна только вода,» - повторил он тем же голосом. Не ей. Просто вслух.

Он прошёл мимо, не замедлившись. Нэста проводила его взглядом. Он шёл ровно, не шатаясь, но в его походке было что-то от человека, которого ведут изнутри, а не который идёт сам.

Она не окликнула его. Что она могла сказать? Что за стеной дома живёт темнота, которую он не видит? Что небо над его городом серое не от облаков? Что он умирает, не зная, от чего, и она не может ни назвать ему причину, ни защитить его, не нарушив закона, который сама же обязана блюсти?

Нэста отвернулась.

Прожилки на стене. Разбитые витрины. Сумка с ключами на асфальте. Детские ботинки.

Это не было похоже на удар. Удар - это что-то с началом и концом, с точкой приложения. То, что она видела, было похоже на то, как гниёт дерево: изнутри, медленно, невидимо для тех, кто смотрит снаружи, и только потом, когда уже поздно, поверхность начинает темнеть.

Алтарь разрушили несколько дней назад. Несколько дней, и уже это.

Нэста посмотрела вдаль по улице, туда, где серая дымка над кварталами была гуще всего. Туда, где прожилки на стенах, если смотреть с высоты, сходились, она запомнила это ещё в воздухе. Не к одному дому. К одному направлению.

Он здесь был. Или его тени были здесь, что, в сущности, одно и то же. Где-то снова закашляли. Долго. Потом стихло.

* * *

Тени здесь не прятались по углам.

Нэста остановилась на краю переулка, не переступая невидимой черты, которую обозначало само её тело - инстинкт, старше слов. Там, где заканчивался свет рассеянного неба, начиналось движение. Не ветер. Не тень от облаков. Тени перетекали по земле, как вода, ищущая трещину, медленно и без спешки, будто им некуда торопиться и незачем. Они огибали выбоины в мостовой, сочились между камнями, собирались в низинах. Живые.

Нэста сделала шаг вперёд. Воздух изменился сразу, стал чуть плотнее, словно кто-то сжал его со всех сторон, не больно, но ощутимо. Запах стоячей воды и чего-то слаще, чего быть не должно в городе. Она знала этот запах. Тление, которое начинается прежде смерти.

Тело она увидела в нескольких шагах, у стены, обвалив-

шейся ровно настолько, чтобы обнажить красный кирпич под штукатуркой. Мужчина лет сорока, судя по рукам. Одет обычно: куртка, тёмные брюки, одна туфля слетела. Ран не было. Нэста присела рядом, не касаясь, и посмотрела на его лицо. Оно было искажено.

Не болью, или не только болью. Что-то изнутри, как будто человек пытался выдохнуть и не смог, и так и застыл, в этом последнем усилии, которое ни к чему не привело. Рот приоткрыт. Глаза закрыты, но не спокойно закрыты, а зажмурены.

Нэста выпрямилась. Она не позволила себе стоять над ним слишком долго. Это была бы роскошь, которую пока нельзя позволить.

Двух других она заметила уже через несколько шагов, как они сидели у стены напротив, плечом к плечу, как люди, ожидающие чего-то в очереди. Женщина средних лет и юноша, может, сын, может, случайный прохожий, которого судьба посадила рядом. Глаза обоих смотрели прямо перед собой. Ни на что. Сквозь мостовую, сквозь воздух, сквозь стену напротив. Женщина что-то шептала.

Нэста подошла ближе, вслушиваясь. Слова рассыпались - не молитва и не бред, а что-то между. Имя, повторённое многократно. Чьё-то имя, которое она повторяла так, словно это единственная вещь, за которую ещё можно держаться.

Нэста опустилась на колени и положила руку ей на плечо. Тьма потянулась к её пальцам. Никакого рывка, никакого удара. Просто медленный, как язык пламени, проверяющий,

можно ли поджечь. Нэста почувствовала это как холод, но не снаружи, а изнутри запястья, вдоль кости. Свет в ней сжался, инстинктивно, и она ощутила, как он сжимается, словно пламя лампы, когда кончается масло. Она убрала руку.

Женщина продолжала шептать. Имя. Снова. Нэста стояла над ней и смотрела, и в этот момент ей пришло понимание, не мыслью, а ощущением в грудной клетке, точным и тяжёлым. Она могла протянуть свет. Могла. Слабый, не такой, каким он был раньше, до того, как алтарь превратился в обломки, но он был. И он замедлил бы это. Не остановил. Замедлил.

Алтарь был источником. Она знала это, конечно, все ангелы знали, но знать и понимать разница такая же, как между картой и землёй под ногами. Без алтаря она работала на том, что осталось в ней самой. Как солдат, у которого кончились стрелы и который считает, сколько раз может ударить рукоятью меча, прежде чем та сломается.

Замедлить. В этом городе. В одном квартале. Для двух человек. А за спиной - весь квартал. Нэста медленно выпрямилась и оглянулась.

Тени тянулись по обеим сторонам улицы, ползли по стенам, собирались под карнизами. Окна первых этажей были тёмными - не той темнотой, что бывает в закрытом помещении, а живой, подвижной. Где-то наверху хлопала рама, незапертая, скрипела на ветру, которого не было. У следующего перекрёстка силуэт человека, который стоит, не двига-

ется, смотрит в стену. Один квартал. Один город.

Нэста не позволила себе думать дальше этой фразы, потому что дальше была пропасть, в которую сейчас нельзя смотреть. Сколько городов уже поражено. Сколько людей сидит вот так, у стен, шепча чужие имена, пока тени медленно пробуют их на вкус.

Она сделала то единственное, что могла позволить себе сделать. Коснулась плеча юноши, коротко, через ткань, не задерживаясь. Отдала ему ровно столько света, сколько могла, не думая о цене. Почувствовала, как что-то в ней чуть просело, как будто потянули нитку из ткани - не больно, но ошутимо.

Юноша моргнул. Один раз. Медленно. Как человек, пробуждающийся посреди сна, в котором ему было хорошо, и злящийся на тех, кто разбудил.

Нэста отступила на шаг, потом ещё на один. Отвернулась. Женщина продолжала шептать имя.

Нэста пошла дальше по улице, и тени расступились перед ней, нехотя, медленно, с тем же терпением, с каким они ползли по камням. Им не нужно было торопиться. Они это знали. Она это тоже знала.

* * *

Тени здесь не клубились, они текли. Нэста заметила это, когда прошла третий квартал насквозь, держась у стен, где

асфальт ещё сохранял цвет. Тьма двигалась не хаотично, не как дым от пожара, разбросанный ветром во все стороны. Она стекалась. Медленно, с той же неотвратимостью, с какой вода находит уклон.

Она остановилась на перекрёстке, где ещё горел один фонарь, он мигал, не гас, словно удерживался из последних сил, и присела на корточки. Тени у её ног ползли на север. Не все, но большинство. Едва заметное течение, которое можно было не заметить, если не смотреть долго и терпеливо.

Нэста смотрела. Она поднялась и пошла против этого течения, назад, к тому, откуда тьма приходила. Если у реки есть исток, то и у этой тьмы тоже был.

Первую часовню она нашла на боковой улице, вернее, то, что от неё осталось. Небольшой каменный портик с выломанными дверями. Внутри были перевёрнутые скамьи, битое стекло, тени, скопившиеся в углах настолько плотно, что казалось: там уже нет воздуха. Нэста встала на пороге, не заходя. Смотрела.

Тени здесь были гуще всего в округе. Они не двигались так, как на улицах, они стояли, насытившиеся, как стоит тихая вода в яме.

Вторую часовню она нашла в квартале к востоку. Третью - на пересечении переулков, где, видимо, раньше висела табличка, теперь сорванная и валявшаяся в луже тёмной воды. Каждый раз одно и то же: выломанные двери, разгром внутри, тени плотнее, чем должны быть. И каждый раз выжжен-

ные следы по краям стен, как старая копоть, только без запаха. Тьма, вьёвшаяся в камень. Не случайность.

Нэста методично выстраивала в голове карту, отмечая точки. Часовни и маленькие алтари, уличные, какие ставят в нишах зданий, под лестницами, у перекрёстков. Ничего значительного по меркам Небес. Но в смертном мире они держали что-то... тонкую нить, совсем слабую, почти незаметную. Кто-то обрывал их планомерно, как срезают нити основы у полотна, прежде чем оно начнёт расплзаться само. Настоящий след она нашла у четвёртой часовни.

Стена выходила в узкий двор, и на высоте человеческого роста, нет, чуть выше, в камне шла борозда. Одна. Не царапина, не трещина от времени. Глубокая, с ровными краями, как след от пальца, проведённого с нажимом по воску. Только камень. И в глубине борозды темнота, не отражавшая света. Будто в камень вложили что-то, чего там не должно быть.

Нэста провела рядом с ней рукой, не касаясь. Почувствовала холод, не воздух, не камень, а что-то изнутри борозды. Живое.

Она отняла руку. Это не был разрушительный хаос. Не след гарпий, которые крушат всё подряд, не след демонического обряда с его симметрией и сожжёнными кругами. Это было что-то намеренное. Личное. Кто-то приложил пальцы к камню, или когти, или что-то, что могло проделать такое, и провёл черту. Обозначил.

Нэста стояла, смотрела на борозду и понимала, что видит

перед собой почерк. Такой же читаемый, как подпись.

Она выпрямилась, огляделась. Двор был пуст, только тени густели у дальней стены, там, где не дотягивался свет фонаря с улицы. Она посмотрела на север. Тени у её ног всё так же тянулись туда, за промышленные корпуса, за рыжие от ржавчины трубы, видные над крышами. Там светлее не было. Там было темнее всего. Он был здесь.

Не вчера, не неделю назад, а недавно. Недавно настолько, что тени всё ещё тянулись к тому месту, где он шёл, как притягиваются железные опилки к магниту, давно убранному, но оставившему поле. Он не прятался.

Это была, пожалуй, самая неприятная мысль из всех, что Нэста думала сегодня. Разрушенный алтарь — это можно было объяснить. Опустошённые часовни тоже. Но этот знак на стене, спокойный и чёткий, как инвентарная метка хозяина на своём имуществе, говорил о другом.

Арван не скрывал, где был. Он отмечал, где прошёл. Нэста смотрела на борозду ещё один момент, потом отвернулась и пошла на север.

* * *

Звук пришёл раньше, чем объяснение ему. Глухой удар, будто что-то тяжёлое упало на пустую землю, а следом хруст, короткий и сухой, как ломается кость или доска под сапогом. Нэста остановилась. Тени здесь лежали плотнее, чем в цен-

тре квартала: они набивались в щели между домами, стекали по стенам чёрными прожилками, собирались под фонарями, которые давно не горели. В воздухе стоял запах сырой земли и чего-то горелого, не огня, а долгого тления.

Она свернула за угол. На узкой улице, среди осыпавшегося кирпича и вывороченной мостовой, стоял демон.

Нэста узнала его природу прежде, чем успела сформулировать мысль: крылья. Не белые, а тёмные, напоминающие перепонки летучей мыши, с острыми когтистыми кончиками, сейчас сложенные за широкими плечами. Кожа тёмная, лицо угловатое, резкое. Одет просто, почти небрежно — ткань, не стесняющая движений. Он стоял на коленях над грудой обломков и руками разбирал завал — деловито, без спешки, как человек, выполняющий работу, которую делал уже не раз.

Под плитой что-то шевельнулось. Слабо, но живое. Рука Нэсты потянулась к поясу сама прежде, чем мысль догнала движение. Пальцы нашли рукоять. Белые крылья слегка раздвинулись, но не для полёта, для равновесия, для готовности. Демон.

В городе, где тени пожирают кварталы. Над смертным, который, возможно, ещё жив. Демон поднял последнюю плиту и отставил в сторону с тем же будничным видом, с каким ставят на полку книгу. Из-под неё показались мужские руки, в садах, живые. Следом голова. Демон подхватил смертного под плечи и вытянул его наружу, положил на мостовую,

проверил пульс двумя пальцами.

- «Жив,» - сказал он. Не Нэсте. Себе, или просто вслух, потому что молчание было хуже.

Нэста не убрала руку с оружия. Демон обернулся.

Он заметил её, и её руку, в одно мгновение. Взгляд пронзительный, прямой, без тревоги. Он не сделал движения ни к ней, ни от неё. Просто посмотрел, потом снова занялся смертным: приподнял ему голову, убедился, что дышит нормально.

- «Если бы я хотел его убить,» - сказал демон, не глядя на неё, — «я бы не тратил время на обломки.»

Голос низкий, чуть хрипловатый. Без агрессии, но и без заискивания, как будто он просто сообщал погоду.

Нэста не ответила сразу. Смотрела на смертного: мужчина, немолодой, одежда засыпана белым известковым порошком. Дышал. Значит, и правда жив.

- «Кто ты?» - спросила она наконец.

- «Лиор.» - Демон встал, отряхнул руки. Посмотрел на неё не враждебно, но и без тепла, просто оценивающе, как смотрят на человека, которого пока не решили куда поставить. - «А ты ангел. Это я вижу.»

- «Что ты здесь делаешь?»

- «То же самое, что видишь.»

Нэста убрала руку с рукояти. Не потому, что доверяла, потому что смертный лежал между ними, и было бы странно держаться за оружие над полуживым человеком, которого

ЭТОТ демон только что вытащил из завала.

- «Откуда ты взялся?»

- «Слежу за теньями.» - Лиор коротко кивнул в сторону улицы, уходящей дальше в темноту.

- «Несколько дней уже. Хожу по городу, ищу тех, кого можно вытащить. Тени движутся по своему рисунку, и если понять его, можно угадать, где упадёт следующий дом.»

- «Ты демон,» - сказала Нэста. Не обвинение, констатация, почти вопрос.

- «Бывший,» - сказал Лиор. Тон был ровным, без вызова, но и без объяснений. Будто это «бывший» означало что-то конкретное и законченное, и он не собирался разворачивать это в историю.

Нэста смотрела на него. Демон - или бывший, что бы это ни значило, помогал смертным. Без выгоды, которую она могла бы разглядеть. Без свидетелей, кроме неё. В городе, который разваливался по частям, он разбирал завалы голыми руками.

Это не укладывалось ни в один шаблон, который она знала.

- «Нэста,» - сказала она. - «Ангел.»

- «Это я вижу,» - повторил Лиор, и в этот раз в голосе появилось что-то похожее на иронию, лёгкое, почти незаметное. - «Белые крылья трудно перепутать.» - Он помолчал.

- «Ты за ним?»

Нэста не спросила, за кем. Поняла.

- «Да.»

Лиор посмотрел на смертного, потом перевёл взгляд на неё. Что-то взвешивал, она видела это по короткой паузе, по тому, как он слегка наклонил голову.

- «Тогда нам есть о чём поговорить,» - сказал он. — «Но не здесь. Человеку нужна помощь, и не та, которую я могу дать.»

Нэста кивнула. Демон был прав, и это тоже не укладывалось в шаблон. Она присела рядом со смертным, проверила - сломано ребро, может быть два, рука неловко вывернута, но без открытого перелома. Жить будет. Она нашла несколько монет в кармане его куртки - не своих, его собственных, и сложила их рядом с ним, туда, где он увидит, когда очнётся. Мелкий жест. Беспольный, почти. Но руки сделали сами.

- «Север,» - сказал Лиор тихо, когда она встала. Он смотрел не на неё - «в сторону, туда, где улица тонула в черноте. Ты видела следы?»

- «Видела.»

- «Там их больше.» - Он помолчал. - «И там что-то ждёт.»

Нэста подняла взгляд на него. Пронзительный взгляд, угловатое лицо, перепончатые крылья, сложенные спокойно за спиной. Ничего угрожающего. Ничего доверия достойного. Просто ещё одно существо в городе, который разваливается.

- «Идём,» - сказала она.

* * *

Нэста шла первой. Не потому, что знала дорогу, следы те-ней читались одинаково хорошо с любого расстояния, если умел смотреть. Просто двигаться рядом с Лиором сейчас было выше её сил. Он понял это без объяснений, шёл на два шага сзади, не пытаясь сократить дистанцию, не заполнял молчание.

За это она была ему почти благодарна. Улицы промышленной окраины лежали пустыми в час, когда здесь должны были грохотать грузовики и гудеть погрузчики. Смертные ушли - кто сам, кого увезли скорые. Тени ещё не заняли эти кварталы целиком, но уже обступали: тянулись из подворотен тонкими нитями, свисали с карнизов, как паутина после пожара. Фонари горели через один, и те, что горели, давали мутный, будто простуженный свет.

Нэста не смотрела на них. Она смотрела на землю, на то, как тени ложатся. Не так, как падают обычные тени, от предметов и источников света. Эти двигались сами по себе, медленно, почти неуловимо, как трава под ветром. И все они тянулись в одну сторону.

Склад она увидела ещё за квартал. Длинное приземистое здание с проломленной кровлей, ворота распахнуты так давно, что ржавчина на петлях успела стать частью конструкции. Над входом не было ни вывески, ни табличек. Просто дыра в стене, и из неё, почти осязаемо, веяло чем-то, что не имело отношения к запустению или промышленному холоду.

Нэста остановилась у порога. Тени здесь были другими. Не нити, полотнища. Они колыхались в дверном проёме, как занавески на сквозняке, хотя воздух вокруг стоял мёртво. Ни ветра, ни движения - только это медленное, неспешное качание темноты.

- «Вот значит, как,» - сказал Лиор за её спиной. Без просительной интонации.

Нэста шагнула внутрь. Глаза привыкли не сразу. Внутри было темнее, чем снаружи, не потому что окна заколочены, а потому что темнота здесь была иного рода, плотной, почти вещественной. Под ногами хрустело битое стекло. Где-то высоко в проломе кровли было видно серое небо, ровно один прямоугольник, как рамка без картины.

А потом она увидела пол. Выжженные концентрические круги расходились от центра помещения правильными дугами — первый диаметром в полшага, последний касался стен. Гарь была не углём и не копотью. Скорее, выбеленностью, как будто что-то высосало из камня всё, что там было: цвет, влагу, время. Круги были абсолютно симметричны.

Нэста медленно прошла к центру. Запах ударил раньше, чем она дошла: холодный металл, как привкус старых монет, и под ним что-то другое, чему она не могла подобрать названия. Не земля и не огонь. Что-то, что существовало раньше обоих. Она встала в центре.

Это не было теплом. Тепло, это след живого, след тела, след присутствия, которое ещё не успело остыть. Здесь было

другое: холодная выемка в пространстве, как вмятина там, где что-то тяжёлое стояло слишком долго. Не тепло, его противоположность. Пространство помнило вес. Помнило силу, которая здесь была и ушла, не оглянувшись. Нэста положила ладонь на выбеленный камень в центре круга.

Остаточное присутствие — это единственное слово, которое у неё было. Как слепок. Как форма после того, как воск вынули из отливки.

Сзади раздались шаги, осторожные, без спешки. Лиор встал у края крайнего круга, не заходя внутрь, и некоторое время молчал. Когда заговорил, голос у него был тихим, лишённым обычного лёгкого тона.

- «Он не прятался. Он работал.»

Нэста не ответила. Она поднялась с колена, не помнила, когда опустилась, и посмотрела на тени. Отсюда, из центра, было видно то, чего не было видно снаружи: тени расходились от этой точки во все стороны, ровными лучами, как спицы в колесе. Восемь направлений. Восемь линий. Они тянулись сквозь стены, сквозь ворота, уходили в город и дальше, за его пределы. Не хаос.

Она долго смотрела на эти линии. На то, как точно они расчерчены. На то, что у каждой был вектор, и вектора не пересекались.

План. Не разрушение ради разрушения. Не ярость, не демонический голод. Это была работа человека, который знает, что делает, знает, что получит в результате, и уже начал.

И план уже был в движении.

Нэста убрала ладонь с пола. Камень под пальцами был абсолютно холодным - такой холод не набирается за ночь и не уходит к утру. Такой холод оседает в вещах, когда рядом с ними долго стоит что-то, отдающее только тьму.

Она встала. Лиор смотрел на неё через все эти концентрические дуги. Во взгляде не было ни торжества, ни жалости, только ровное, внимательное ожидание. Он уже понял. Просто ждал, пока поймёт она.

За проломом в кровле небо над городом было того же серого цвета, что и всё остальное здесь: равномерного, ровного, безнадёжно однородного.

Нэста посмотрела на ближайший луч тени, тот, что уходил на север.

- «Сколько у него точек,» - сказала она. Не вопрос. Расчёт вслух.

* * *

Крик прилетел снизу, из проулка за складскими постройками - высокий, надсадный, обрывающийся посередине, как оборванная нить.

Нэста не успела понять, что услышала, раньше, чем ноги уже разворачивали её в сторону звука.

Там, за поворотом, где плиты тротуара вздыбились трещинами, словно земля пыталась выдавить что-то изнутри,

бежали люди. Двое, потом четверо, потом целая волна фигур, беззвучная на расстоянии, страшная именно этой беззвучностью. Кто-то тащил ребёнка под мышкой, как тяжёлый свёрток. Кто-то бежал, не оглядываясь. Позади них тень, не тень от здания или туч, а та самая, которую Нэста научилась узнавать за последние часы, ползла по фасадам, поглощала витрины, затекала под двери. Медленно. С достоинством. Словно знала, что никуда не торопится.

Нэста стояла. След Арвана уходил в другую сторону - на север, туда, где небо над крышами стало чуть темнее, чем должно быть к вечеру. Он был уже старым, этот след, почти неразличимым. Ещё несколько минут промедления, и тени растворят его окончательно, и она снова будет искать по косвенным признакам, по разрушенным кварталам, по тому, откуда птицы улетели первыми.

Нога сделала шаг на север. Потом она посмотрела на людей. Лиор уже не стоял рядом с ней.

Она не видела, как он развернулся. Просто только что был, а теперь его не было. Нэста поняла это по звуку: по хлопку крыльев, гулкому, как удар в барабан, который разнёсся между домами и сразу сделал бегущих чуть менее одинокими. Его широкая фигура мелькнула над крышей и пошла вниз, прямо в улицу, туда, где ребёнок выскользнул из чьих-то рук и упал на колени.

Нэста смотрела. Шесть секунд она смотрела, сама считала, хотя не отдавала себе в этом отчёта. Шесть секунд, в ко-

торые след на севере остывал, умирал, становился ничем. Шесть секунд, в которые Арван уходил дальше, к следующему бастиону, к следующему разрушению, к следующему городу, который назавтра будет выглядеть так же, как этот.

Она не решала идти за Лиором. Просто в какой-то момент обнаружила себя уже в движении, уже в воздухе... крылья расправились сами, тело сделало то, что умело делать раньше, чем разум успевал вмешаться.

Женщину с ребёнком они с Лиором подняли вместе и вынесли на крышу соседнего здания, подальше от тени. Лиор говорил что-то успокаивающее смертной, не слова, скорее тон, негромкий и ровный, как у человека, который умеет быть рядом с чужой паникой, не заражаясь ею. Нэста молчала и работала: вытаскивала застрявших в подворотне, перекрывала тенью... нет, своим телом, крылом, светом, чем успевала, ходы, которые тьма пыталась занять раньше людей.

Работа была конкретной. Этим и держала. Пока руки были заняты, не было места для того другого, для счёта потерянных минут, для понимания, которое сидело под рёбрами холодным осколком и не двигалось с места.

Когда последний из бегущих оказался в безопасности, насколько вообще можно было говорить о безопасности в городе, где тень разгуливала по улицам, как хозяйка, Нэста остановилась. Она посмотрела на север.

Там уже не было ничего, что она могла бы читать. Небо стояло тёмным и ровным, без единого знака. Арван ушёл.

Лиор встал рядом с ней, не вплотную, чуть поодаль, и тоже смотрел на ту же точку горизонта. Долго молчал. Потом сказал:

- «Знаешь.»

- «Знаю,» - сказала Нэста.

Голос вышел ровным. Она была благодарна ему за это. Лиор не стал добавлять ничего. Не стал говорить, что она приняла правильное решение, или что иначе было нельзя, или что след можно найти снова. Он просто существовал рядом - большой, молчаливый, с крыльями, сложенными за спиной, и это молчание было честнее, чем любое утешение.

Внизу, в улице, тень отступала медленно, не потому что её прогнали, а потому что насытилась. Она забрала квартал и теперь переваривала его в тишине. Смертные, которых они вытащили, сидели на крыше, не понимая, что произошло. Кто-то плакал. Кто-то смотрел на Нэсту с Лиором с тем выражением, которое она давно научилась узнавать, смесь страха и чего-то, похожего на доверие, хотя доверие здесь было, строго говоря, незаслуженным.

Нэста убрала крылья. Осколок под рёбрами не двигался. Он просто стал чуть больше.

* * *

Лиор ушёл на север. Сказал, что знает ещё один город, предложил встретиться там. Ничего лишнего, никаких обе-

щаний. Просто развернулся и поднялся в воздух, перепончатые крылья беззвучно сложились, и он растворился в низком сером небе.

Нэста не смотрела ему вслед. Она стояла у самой границы поражённого квартала, там, где обычный камень мостовой переходил в нечто другое: потемневшее, словно выжженное изнутри, хотя огня здесь не было. Никогда не было. За спиной разрушенные дома, тишина, в которой что-то гнило медленно и неостановимо. Впереди дорога. Пустая. Уводящая туда, куда уходили следы теней.

Ветер нёс запах сырости и чего-то ещё. Чего-то, у чего не было названия в её словаре, потому что смертный мир в таком состоянии она видела впервые.

Нэста медленно выдохнула. Клятва звучала просто. Короткие слова - найти и уничтожить - произнесённые перед лицом серафимов так давно, что она уже почти не помнила, каким был её голос в тот момент. Молодым? Уверенным? Или уже тогда в нём жила та же трещина, которую она сейчас слышала в каждом своём внутреннем слове?

Найти. Уничтожить. Она повторяла их, как повторяют молитву, не потому что верят, а потому что иначе пустота.

За её спиной, в глубине мёртвого квартала, что-то рухнуло, обвалилась балка или крыша, или просто очередной дом решил, что больше незачем стоять. Нэста не обернулась. Она уже видела достаточно: детские игрушки у порога, из которого никто так и не вышел. Лавку, где товар был аккуратно

разложен, и никто не пришёл купить. Женщину на скамейке, которую она сначала приняла за живую.

Смертные умирали, не понимая почему. Не было ни войны, ни пожара, ни засухи, ничего, чему они могли бы дать имя и против чего могли бы выстоять. Просто однажды мир начал забирать их тихо, как вор, который даже не торопится.

Она не остановила это сегодня. Мысль была простой и резала, как лезвие, именно своей простотой.

Нэста убрала её в сторону. Не потому, что не могла с ней находиться, а потому что, если начать, то придётся додумать до конца. А конец этой мысли вёл к другой, которую она себе не разрешала.

Он не скрывается. Каждый след был слишком отчётливым, не случайность, не небрежность. Тени двигались так, как двигаются только намеренно, оставляя за собой именно то, что нужно для понимания: здесь был я, иду дальше, ты знаешь куда.

Арван знал, что она идёт следом.

Она не разрешала себе думать о том, что это значит. Существовало только одно объяснение, которое укладывалось в логику миссии: он не боится погони. Слишком самонадеян. Слишком уверен, что успеет сделать всё, прежде чем она доберётся.

Это было удобное объяснение. Нэста сделала с ним то же, что с предыдущей мыслью - убрала, не додумав.

Небо над городом было цвета старого пепла. Не грозовое,

не дождливое, просто мертвенное, лишённое того особого качества света, которое обычно делает небо живым. Где-то далеко, у горизонта, угадывалось что-то похожее на солнце - бледное пятно, не дающее тени.

Она чувствовала усталость в крыльях. Не физическую, та прошла бы за ночь, а другую, которую трудно назвать точно. Ту, что копится от долгого несоответствия между тем, что должно быть, и тем, что есть. Долг был чистым. Мир - нет. Нэста расправила крылья.

Белые, резкие, неуместные против этого серого неба, слишком яркие для места, где давно не осталось света. Она почувствовала, как воздух наполняет перья, как тело чуть качнулось вперёд, принимая равновесие. Она поднялась.

Земля ушла вниз, сначала мостовая с чёрными прожилками, потом крыши домов, потом весь квартал разом: с высоты он выглядел иначе, чем изнутри. Снизу это было ужасом, шагом за шагом, деталью за деталью. Сверху - картой. Тёмные прожилки теней расходились от центра города как трещины по льду - неспешно, уверенно, не зная, что им что-то может помешать.

Нэста смотрела. Она не позволила себе отвести взгляд. Это была её работа - видеть. Помнить. Нести это с собой, пока не закончится.

Тени ползли по стенам домов медленно, почти лениво - живые в своей неживости, методичные. Они не торопились. Им незачем было торопиться: город никуда не уйдёт. Он

умирал в своём собственном темпе, и они просто сопровождали этот процесс.

Нэста не остановила этого сегодня. Завтра тоже не остановит, если потратит завтра здесь.

Она развернулась на север и набрала высоту, оставляя за собой город, который умирал тихо и без свидетелей. Ветер холодный, без запаха, чистый той стерильной чистотой, которая бывает там, где ничего не растёт, ударил в лицо.

Впереди была дорога. И след, оставленный намеренно. Она летела.

Глава 5

Глава 5. Тени учатся слушаться

Тени слушались.

Это было новое ощущение, не тягостное усилие, которое он привык контролировать годами, а нечто близкое к тому, как человек раскрывает ладонь и обнаруживает, что рука наконец-то разжалась. Арван стоял у края пещеры, где камень обрывался в ничто, в пропасть без дна, в темноту, которая не отражала ни луны, ни звёзд. Под ногами узкий выступ. За спиной остров, блуждающий и безымянный, один из тысяч, что дрейфуют в Небесах, не числясь ни в каких реестрах.

Тени клубились у его ног, как вода перед плотиной.

Он пошевелил пальцами. Тени потянулись следом, плавно, без рывка, без того прежнего сопротивления, которое всегда ощущалось в самой глубине грудной клетки, как натянутая нить, готовая лопнуть. Теперь нити не было. Была только пустота, открытая и готовая.

Алтарь держал не только Баланс.

Арван понял это в ту секунду, когда камень рассыпался под его руками — понял физически, телом, прежде чем мысль успела оформиться. Словно что-то внешнее, что он всю жизнь принимал за собственный предел, оказалось чужим замком на чужой двери. И замок снят.

Позади него, в глубине пещеры, шевельнулось.

Гарпии сидели на каменных выступах вдоль стен неподвижные, как горгульи, если бы горгульи умели дышать. Три из них. Перья на крыльях сложены плотно, острые когти врезаются в камень без усилия. Лица женские, но не человеческие: слишком гладкие, слишком симметричные, взгляд без тени любопытства.

Арван не повернулся. Не произнёс ни слова.

Приказ ушёл иначе, не звуком, а тем, что шло вместе с теньями: направление, цель, время. Три вектора, три точки на карте, которую он держал не на бумаге, а где-то в пространстве между намерением и действием.

Гарпии сорвались одновременно.

Шелест крыльев, резкий, как удар, и темнота поглотила их раньше, чем они добрались до края пещеры. Арван слышал, как они уходят в глубину ночи по разным направлениям. Потом тишина. Только ветер снизу, из пропасти, тяжёлый и холодный.

Он остался стоять.

Под ним клубилось и ждало.

Расчищать, думал он, не то же самое, что разрушать. Разрушение — это порыв, злость, что-то горячее и бессмысленное. То, чем занимались и те, и другие, и Небеса, и тьма — тысячелетиями, вгрызаясь друг другу в горло, не ради победы, а ради самого процесса вгрызания. Они называли это войной. Он называл это привычкой.

Старый порядок держался не на силе и не на справедливости. Он держался на том, что никто не решался его тронуть.

Алтарь был не святыней, он был замком. Замком на клетке, где держали всех, кто не вписывался в чистые категории: ни свет, ни тьма, ни человек. Арван знал эту клетку лучше, чем кто-либо. Он рос в ней. Он помнил каждый камень её стен.

Теперь один замок снят.

Осталось убрать остальные.

Он не думал об этом как о войне. Войны ведут те, кому есть что терять в нынешнем порядке вещей. Он думал об этом как о работе, методичной, требующей терпения и точности. Восемь векторов. Восемь точек, из которых старый свет питается и держится. Убери их по одной, и то, что придёт следом, будет уже не его делом. Он не собирался строить. Строить — это для тех, кто знает, каким должен быть мир.

Он не знал. Он только знал, каким мир быть не должен. Крылья позади.

Четвёртая гарпия возвращалась раньше, чем следовало. Арван уловил её движение прежде, чем услышал: тени чуть сгустились у левого края пещеры, обозначив траекторию. Она не шумела, садилась бесшумно, когти нашли камень без скрежета.

Он повернулся.

Гарпия смотрела на него. В руках ничего, но тени вокруг неё были другими: не его, чужие, принесённые издалека.

ка. Она передавала не словами. Образ пришёл прямо, размытый, как отражение в стоячей воде. Город. Тени, которые движутся не так, как он велел. Кто-то идёт следом за его работой, читает её, как умеет читать лишь тот, кто понимает рисунок.

Арван смотрел на гарпию несколько секунд.

- «Одна,» - сказал он наконец, тихо. Не вопрос. Утверждение. Гарпия моргнула. Достаточно. Он снова повернулся к пропасти.

Белые крылья. Каштановые волосы. Образ, который он не убрал тогда, у алтаря, сам не понял почему, а потом решил, что незачем разбираться. Незначительная деталь. Небеса посылают лучших; лучшие ходят по следу; след он оставил намеренно. Торопиться было незачем.

Тени у его ног поднялись чуть выше, как вода перед приливом, послушные, тяжёлые, плотные. Он опустил руку и почти коснулся их поверхности. Почти.

Пусть идёт, подумал он без злобы и почти без интереса. Пусть читает. Он работал, а не прятался.

Ветер из пропасти принёс запах дождя, откуда-то из смертного мира, далеко внизу. Арван убрал руку.

* * *

Линии на полу не давали тени.

Арван провёл пальцем по первому лучу... выжженный ка-

мень был гладким под подушечкой, почти мягким, как старая кость. Восемь лучей от центральной точки. Он выжигал схему три часа без остановки, и теперь стоял над ней на коленях, не чувствуя жёсткости камня.

Центр, там, где находился Великий алтарь. Теперь там - ничего. Он не смотрел на схему как на карту. Карта показывает, что есть. Это показывало, чего скоро не будет.

Первый луч уходил на юго-запад - малый алтарь в речном городе, который смертные называли своим именем, не подозревая, что их река держит форму только потому, что под её мостами кто-то однажды заложил камень с молитвой. Малый алтарь погас четыре дня назад. Тени пришли с востока, аккуратно, по краям сначала, как прилив.

Второй луч - часовня на рыночной площади в портовом городе. Смертные думали, что здание просело из-за грунта. Он не стал их разубеждать.

Арван провёл пальцем дальше, к третьей точке, к четвёртой. Малые алтари гасли быстрее, чем он планировал изначально. Он рассчитывал на сопротивление - слабое, инстинктивное, как судороги. Вместо этого старый порядок рассыпался почти охотно, словно ждал, что его отпустят. Словно устал держаться.

Это его не радовало. Это его не огорчало. Он просто отметил это, как отмечают погоду. Пятая точка оставалась нетронутой - Арван намеренно пропустил её в прошлый обход. Пусть там ещё горит. Пусть там думают, что им повезло. Ше-

стая, седьмая - смертный мир. Восьмая - нет.

Он поднялся и шагнул к пролому в скале, где кончалась пещера и начинался воздух. Блуждающий остров медленно поворачивался, или это менялся ветер, он не всегда мог определить. Внизу, далеко под облаками, смертный мир лежал полосами света и тьмы, и тёмных полос становилось больше с каждым днём.

Восьмая точка - Небесный бастион.

Дальний. На краю архипелага, где острова редели и между ними было столько воздуха, что даже ангелы летели туда неохотно. Арван знал это место. Он видел его однажды - очень давно, когда ещё думал, что расстояние может стать защитой.

Бастион стоял там столетиями, и именно поэтому его обитатели ещё не знали. Новости доходят до края архипелага медленно. Может быть, кто-то уже летит туда с донесением. Может быть, они ещё читают утренние молитвы и верят, что центральный алтарь держится.

Он вернулся к схеме. Сел на камень рядом, локти на колени, взгляд вдоль восьмого луча - туда, где линия упиралась в стену пещеры и заканчивалась, потому что камень не горел дальше.

Восемь точек. Восемь опор.

Не потому, что восемь - священное число. Не потому, что кто-то когда-то придумал именно этот порядок. Просто старый мир стоял на восьми опорах, и это было техниче-

ским фактом, не мистикой. Архитектура, а не символ. Если убрать одну, остальные начнут перераспределять нагрузку. Если убрать три - появятся трещины. Если убрать все восемь последовательно, в правильном порядке, то в момент падения последней опоры вся конструкция рухнет одновременно, и не останется ничего, на что можно было бы опереться, чтобы восстановить старое. Только тогда можно будет строить. Арван смотрел на схему.

Где-то внизу, в смертном мире или ближе, кто-то шёл по его следам. Он знал это не потому, что видел, он знал, потому что оставлял следы намеренно. Борозды на стенах. Выжженные концентрические круги на складских полах. Восемь лучей, уходящих в стороны. Это было не небрежностью и не самонадеянностью. Он просто не видел смысла прятаться от того, кто в любом случае придёт. Пусть видит. Пусть читает рисунок.

Пусть понимает, что это не разрушение. Разрушение — это когда нет цели, только злость или страх. Здесь была цель, и она читалась в каждой выжженной линии на каменном полу. Любой, кто умеет смотреть, а не только видеть, поймёт. Он не знал, умеет ли тот, кто идёт следом.

Мысль задержалась ровно на секунду, белые крылья, промельк у алтаря, каштановые волосы в дыму, и Арван убрал её так же ровно, как снимают со стола лишний предмет. Не выбрасывают. Просто кладут в сторону. Не сейчас.

Он поднялся, распрямил плечи. Тёмно-красные крылья

раскрылись за спиной, не для полёта, просто сами, как вдох. Он сложил их снова. Восьмая точка. Дальний бастион.

Выйти нужно до того, как ангелы там получают весть. Это вопрос нескольких часов, может быть, суток. Он летел быстро, когда хотел.

Арван в последний раз посмотрел на схему. Семь линий уже были отработаны или отрабатывались. Восьмая ждала. Центр - пуст. Всё правильно.

* * *

Тени у стены двигались. Не так, как двигается дым, без цели, без памяти. Они смещались осмысленно, тянулись к краю света, который пробивался сквозь трещины в своде пещеры, и отступали обратно, как будто пробовали его на вкус и находили горьким. Арван сидел на камне, не меняя позы уже долго, настолько долго, что перестал считать, и наблюдал за тем, как они меняют форму.

Тьма не была хаосом. Никогда не была. Люди, которые называли её хаосом, просто не умели читать.

Тени вытянулись, сгустились у основания стены, и там, где каменный пол переходил в трещину, обозначился силуэт. Плечи. Наклон головы. Что-то похожее на крылья, не чёткое, скорее предположение формы, намёк, который тьма бросала небрежно, как бросают монету и не смотрят, как она упадёт.

Арван знал, что это значит. Тьма отражала то, о чём ду-

маешь, не по чьей-то воле, просто так устроено. Она была зеркалом без рамы и без сочувствия. Он не отвёл взгляда.

Силуэт подержался несколько секунд и растаял, не стёрся, а именно растаял, как тает иней на стекле, когда рядом поднесёшь ладонь. И в этом пространстве, где форма только что была, Арван увидел другое.

Белые крылья. Каштановые волосы. Бледное лицо, обращённое не к нему, мимо, куда-то в сторону, и выражение, которое он не успел прочесть, потому что образ уже гас. Он не стал его удерживать. Не стал и отгонять.

Образ просто был, и потом его не стало, как не становится отражения, когда убираешь руку от воды. Арван не дал себе времени на что-то ещё. Не на анализ, не на название того, чем этот образ являлся. Слова давали вещам больший вес, чем те заслуживали. Он знал одно: этот человек идёт следом.

Не предположение. Не догадка. Факт, такой же холодный и ровный, как камень под ладонью, — если его потрогать, он не изменится от того, нравится тебе его температура или нет. Следы оставлены. Следы читаются. Кто-то умеющий читать - читает.

Арван поднялся. Движение было неторопливым, почти ленивым, но в этой неторопливости не было расслабленности. Он распрямился полностью, позволил позвоночнику вытянуться, почувствовал, как тянет мышцы между лопатками. За спиной развернулись крылья - тёмно-красные, почти чёрные у основания, где перья плотнее всего, чуть светлее к

краям, там, где они истончались до полупрозрачности. Широко. До упора. Своды пещеры были достаточно высоки, он выбирал место не случайно. Это было как закрытая дверь.

Тени у стены рассеялись, разошлись в стороны, как расходятся в воде, чернила, когда их больше не удерживают. Пещера стала просто пещерой, камень, холод, запах влажного гранита и чего-то более старого, чего у камня не должно быть запаха, но есть.

Арван стоял и думал не об образе. Он думал о том, что образ означал в практическом смысле. Если она хочет понять, что он строит, она может смотреть. Он не прятал схему. Восемь направлений — это не тайна для того, кто умеет складывать части. Малые алтари, часовни, точки, в которых свет укоренился давно и считал себя незыблемым, они падали не случайно и не по злобе. По необходимости. Фундамент не чистят половинками мер.

Быть понятым его не пугало. Это он мог признать, спокойно, без самоуничтожения и без позы. Если кто-то пройдёт весь его путь и в конце скажет: я вижу, что ты делал, это не будет его поражением. Скорее наоборот.

Его пугало другое. Быть остановленным до того, как он закончит. Вот это - да. Вот это жило где-то под рёбрами тихим и очень конкретным холодом, не похожим на страх в том смысле, в каком страх понимают люди, которые боятся боли или смерти. Он боялся незавершённости. Боялся мира, оставшегося на полпути между тем, чем он был, и тем, чем

должен стать, ни живого, ни нового, подвешенного в этом промежутке навсегда.

Вот чего нельзя было допустить. Арван сложил крылья. Медленно, как складывают то, что было раскрыто намеренно и убирается тоже намеренно. Перья легли друг на друга с тихим шелестом, почти неслышным, но пещера была такой, что слышала всё.

Он посмотрел на стену, где только что были тени. Камень. Ничего больше. Хорошо.

* * *

Гарпии слетелись беззвучно. Он не звал их голосом, никогда не звал. Просто потянул тени чуть сильнее, как натягивают поводок, и они появились из темноты пещеры одна за другой: мягкое хлопанье крыльев, почти не нарушившее тишины, шорох когтей о камень. Семь. Восьмая замешкалась где-то снаружи и влетела последней, сложив крылья резче, чем нужно.

Арван не смотрел на опоздавшую.

Он смотрел на всех сразу, тем взглядом, который не фиксировался ни на ком конкретно, но каждая чувствовала его на себе. Гарпии сидели на выступах вдоль стен: кто на корточках, кто, выпрямившись, крылья поджаты. Не беспокойно, не напряжённо. Просто ждали. Только существа, знающие хозяина достаточно долго, умеют так ждать, без суеты,

без попытки угадать, что будет дальше.

Арван подошёл к крайней слева. Он осмотрел крылья, раскрыл одно, провёл пальцами вдоль маховых перьев, ища повреждение. Кость цела. Перо где-то в середине надломлено, неглубоко, зарастёт. Гарпия не шевелилась. Потом он взял её руку, она дала, и проверил когти: все четыре, кончики острые, один с налипшим пеплом. Он стёр пепел о камень. Провёл взглядом по глазам - зрачок вертикальный, как нож.

Он двигался от одной к другой без спешки. Это не было ритуалом и не было сентиментальностью. Инструмент перед работой проверяют. Тупой нож — это не нож, а потраченное усилие. Он слишком долго выстраивал всё это, чтобы терять из-за надломленного крыла в нужный момент.

Третья по счёту гарпия была самой крупной, шире в плечах, перья на крыльях с рыжеватым отливом, который Арван замечал всегда. Она смотрела прямо на него, не отводя глаз. Он осмотрел её дольше остальных: нашёл царапину под левой ключицей, неглубокая, уже затянулась, и свежий разрез на перепонке крыла, аккуратный, будто от лезвия.

Он задержал руку на краю разреза. Гарпия чуть повернула голову, но не двинулась.

- «Где?» - спросил он.

Она не отвечала словами, никогда не отвечала. Но что-то в направлении её взгляда, в том, как слегка подались плечи, дало ему достаточно. Восточный фланг. Значит, там уже

пробовали мешать.

Арван убрал руку и продолжил. Когда он закончил, все восемь проверены, ничего критического, он встал в центре пещеры и дал приказ так же, как вызывал: не голосом, а давлением. Тени у его ног сгустились, потянулись по камню к ближайшим, и те почувствовали форму намерения прежде, чем он произнёс слова вслух.

- «Двое» - к бастиону на краю архипелага, - сказал он. — «Не атаковать. Только смотреть. Тени держите у периметра, не входите внутрь.»

Пауза.

- «Запомните расположение. Мне нужна картина, не руины.»

Две гарпии - та самая крупная с рыжеватыми перьями и ещё одна, поменьше, с очень тёмными, почти чёрными крыльями, одновременно качнулись вперёд. Готовы.

Остальные начали подниматься, расправляя крылья для вылета. И тогда шестая - та самая, опоздавшая - медлила. Секунда. Может, чуть меньше. Арван не смотрел на неё, пока не стало нужно. Потом посмотрел.

Она не делала ничего неправильного. Просто стояла с полуоткрытыми крыльями, как человек, забывший, зачем встал. Взгляд слегка расфокусирован. Может, устала. Может, что-то другое. Арван не спрашивал.

Тени у её ног сжались, коротко, плотно, как рука, сомкнувшаяся в кулак. Не причиняя боли. Просто напоминая.

Колебание исчезло.

Гарпия расправила крылья полностью и вылетела вслед за остальными. Ещё через несколько секунд пещера опустела. Только воздух у входа дрожал - последний след от крыльев. Арван остался один.

Тишина острова вернулась сразу, как они ушли, тяжёлая, плотная, пропитанная запахом холодного камня и того особого оттенка воздуха, который бывает только на высоте: слишком чистый, чтобы быть живым. Он знал эту тишину. Прожил в ней достаточно, чтобы перестать замечать. Но сегодня она звучала иначе.

Не хуже и не лучше. Просто иначе - как пауза в середине фразы, когда говорящий ещё не решил, что скажет дальше. Как будто мир набрал воздух и задержал.

Арван стоял у входа в пещеру, не выходя на открытый край острова. Смотрел на расстилавшееся внизу - облака, темнота между ними, где-то там, за горизонтом, бастион, который пока ещё стоит. Пока ещё.

Кто-то уже шёл по его следам. Он знал это так же точно, как знал направление ветра не потому, что видел, а потому что оставил достаточно, чтобы найти. Его это не торопило. Торопятся те, кто боится опоздать. Он ни за чем не опаздывал. Тишина давила. Он не стал её заполнять.

* * *

Новый мир будет лучше. Эту фразу Арван проговаривал про себя так долго, что она давно перестала быть словами, стала чем-то вроде дыхания, фоновым шумом, на котором держалась вся остальная архитектура мысли.

Он сидел у дальней стены пещеры, где свет не добирался вообще, даже тот холодный, молочный свет, что просачивался с края острова. Тьма здесь была живая: шевелилась на уровне кожи, отзывалась на каждое изменение его состояния. После разрушения алтаря она стала гуще. Послушнее. Арван не спрашивал себя, хорошо это или нет. Инструмент не должен быть хорошим, он должен работать.

Новый мир будет без законов Равновесия. Без запрета на смешанные семьи. Без темниц для тех, кто родился не тем.

Аргументы выстраивались привычно, один за другим, как камни в кладке: каждый держался на следующем, и всё вместе держалось так крепко, что Арван мог пройти по ним с закрытыми глазами. За столетия заточения он прошёл, и не один раз. Равновесие — это ложь, которую сильные рассказывают слабым, чтобы слабые сидели смирно. Свет и тьма не противоположности, а половины одного целого, и искусственный запрет на их смешение - не порядок, а страх. Страх перед тем, что получится, если позволить существовать чему-то, не вписывающемуся в готовые категории.

Страх перед такими, как он. Он знал этот аргумент до костей. Мог разобрать его и собрать заново, и в каждой сборке он держался.

Но сегодня, пока гарпии уходили в темноту, а пещера оседала в тишину, в кладке что-то сдвинулось. Он думал о ребёнке.

Не о детях вообще - не о тех, кто родится в новом мире и будет жить без клейма полукровки. О конкретном ребёнке с тёмными волосами и руками, которые не знали, что делать с крыльями, потому что никто не учил. Ребёнок смотрел в окно на улицу, где другие дети бегали без оглядки, и думал: что во мне не так? Почему мне нельзя туда?

Арван убрал эту мысль. Не отверг, а именно убрал. Как убирают вещь, которая мешает работать: не выбрасывают, а кладут чуть в сторону, где не будет попадаться под руку.

Потому что эта мысль была неудобной не своей ложностью. Она была неудобной своей точностью.

Он строил новый мир. Это правда. Но если смотреть туда, куда он только что посмотрел, он строил его для конкретного мальчика, который стоял у окна и которого давно нет. Мальчик вырос. Прошёл через темницу. Вышел с другой стороны, с другими руками и другим пониманием того, чего стоят слова о справедливости.

Это делало его план менее верным? Нет. Это делало его план более честным, или менее? Арван не был уверен. Он не привык быть неуверен, и именно поэтому вещь легла в сторону, а не в мусор. Он встал.

Движение было намеренным - тело как способ выйти из мысли, которая начинает тянуть. Пол пещеры под ногами,

твёрдый, неровный, настоящий. Тьма качнулась вместе с ним, ненадолго потеряв форму, потом снова собралась. Арван шёл к свету, к краю, где пещера заканчивалась и начинался остров, а остров заканчивался пропастью.

Он встал на самом краю. Внизу - ничего. Или то, что выглядит как ничего: межмировая пустота, которую смертные не видят вообще, а ангелы видят, как сероватую дымку. Арван видел её иначе, как пространство, которое ещё не решило, чем будет. Потенциал без формы. Это он понимал лучше, чем готовые категории Небес.

Где-то там, под ним и в стороне, были города. Тени расходились по восьми направлениям из точек, которые он выбирал не наугад. Малые алтари. Часовни. Узлы, на которых держалась паутина Равновесия в смертном мире, паутина, о существовании которой сами смертные не подозревали. Они думали, что живут просто так. Они не знали, что их спокойствие куплено чужими ограничениями.

Скоро узнают. И где-то там - белые крылья.

Арван не искал её взглядом. Он знал, что не увидит с такого расстояния, и дело было не в том. Дело было в том, что она уже читала его следы. Он видел её мельком - каштановые волосы, сложенные крылья, взгляд человека, который умеет смотреть туда, куда надо. Он не скрывался намеренно. Следы оставались, потому что он шёл быстро и не тратил силы на маскировку, так он говорил себе. Это было правдой.

Это было не всей правдой. Ветер с края острова бил в ли-

цо - острый, как лезвие, с привкусом высоты и пустоты. Арван не щурился. Он смотрел вниз и думал: она читает страницы, которые он уже написал. Значит, нужно оставить следующую.

Не потому, что он хотел её видеть. Не потому, что тот мальчик у окна когда-то думал о том, каково это чтобы кто-то шёл за тобой не с приказом тебя уничтожить, а просто шёл.

А потому что так работает план. Она движется по его следам, значит, движется туда, куда нужно ему. Это целесообразно.

Арван стоял на краю ещё несколько секунд. Потом развернулся и пошёл в темноту пещеры, туда, где тьма была гуще всего и где он давно уже чувствовал себя дома.

Глава 6

Глава 6. Клятва и её цена

Небо на подходе к Небесам всегда было другим. Нэста знала это, знала много веков, но каждый раз, когда она пробивала нижнюю кромку облаков и выходила в этот воздух, что-то внутри неё на мгновение замирало. Не восторг. Скорее узнавание. Как будто тело помнило, что именно здесь оно должно быть, и ненадолго переставало спорить с остальным.

Она летела ровно, без лишних движений. Белые крылья резали воздух коротко и точно, привычный ритм, который она поддерживала не думая, как дыхание. Внизу острова плыли в молочной дымке: белый камень, зелёные уступы, тонкие шпили часовен, отражающие свет, которого она сверху почти не видела. Красиво. Нэста не позволяла себе на этом задерживаться.

Несколько островов были не такими. Она заметила их ещё на подлёте, не сразу, потому что глаза привычно искали знакомое, а непривычное приходилось видеть заново, будто учась. Края трёх островов, которые она миновала за последние четверть часа, потемнели. Не тень от облака - другое. Белый камень пошёл серым, потом почти чёрным, и эта чернота расплзалась от берегов к центру, как пятно на промока-

тельной бумаге, впитывающей что-то тёмное и влажное. Деревья на крайних террасах стояли голые, хотя здесь не бывало осени. На одном из островов обвалился угол башни, она увидела обломки, рассыпанные по нижней платформе аккуратной горкой, будто кто-то поставил опыт и зафиксировал результат.

Нэста отвела взгляд. Ладони были холодными. Это она заметила давно, ещё над смертным миром, когда пыталась удержать тени на расстоянии от той улицы с рушащимися фасадами. Руки не дали тепла. Только слабый отсвет, бледный, как зимнее утро через закрытые ставни.

Она не пробовала снова. Это был намеренный выбор, и она его не оспаривала. Незажжённая свеча кажется целой. Как только поднесёшь огонь - увидишь, насколько она истаяла. Нэста не была готова это знать. Не сейчас. Не перед встречей с Рафаэлем, когда всё, чем она располагала — это спокойное лицо и прямая спина.

Остров появился впереди так, как появляется власть: без объявления, само собой разумеясь.

Белый. Очень белый, не как снег и не как мрамор, а как намерение. Камень здесь казался отёсанным не руками, а принципом. Ни одного лишнего выступа, ни виноградной лозы по стене, ни цветочного горшка на подоконнике. Террасы шли ровными уступами сверху вниз, каждая чуть уже предыдущей, геометрия, в которой не оставалось места случайному. Она знала этот остров. Бывала здесь прежде. Но каждый раз

он встречал её как в первый раз, не потому что менялся, а потому что она каждый раз была другой и каждый раз снова понимала, что здесь это не имеет значения.

Архитектура власти, а не красоты. Красота допускает отклонение. Власть - нет. Нэста заложила вираж, теряя высоту, и пошла на посадку. Крылья раскрылись шире, гася скорость, она коснулась камня чисто, без суеты, обе ноги разом. Приземление получилось аккуратным. Хорошо.

Она сложила крылья. И остановилась. Площадка перед входом была пуста, ровный прямоугольник белого камня, холодного под подошвами даже через кожу сапог. Ветер здесь ходил иначе, чем в открытом небе: не ровно, а с короткими задержками, будто что-то задерживало его на углах здания и отпускало рывками. Нэста стояла и не шла вперёд.

Одна секунда. Две. Это был доклад. Она это знала. Приходила с докладом прежде, после каждого задания, после каждой границы, после каждого из тех дней, которые оставляли след, не спрашивая разрешения. Она умела докладывать. Голос ровный, слова точные, ничего лишнего.

Но в смертном мире она выбрала смертных вместо следа. Арван ушёл. Она дала ему уйти, не намеренно, нет, скажи себе это правду, не намеренно, но выбор был, и она его сделала, и теперь след потерян, и тени расходились из восьми точек по восьми направлениям, и она стояла здесь, на белом камне, с холодными ладонями и ослабшим светом, и Рафаэль ждал внутри.

Нэста выровняла дыхание. Медленно - на три счёта внутрь, на три счёта наружу. Плечи опустились. Подбородок чуть вверх. Руки вдоль тела, спокойные, как будто им нечего было скрывать.

Внешне собрана. Она смотрела на дверь, узкую, тёмную в белой стене, без ручки с этой стороны, открывающуюся только изнутри, и думала о том, что ощущение на коже похоже не на доклад. Похоже на что-то другое, у чего было другое название, которое она не произносила.

Ветер дёрнул её коротко стриженный хвост. Где-то за спиной один из потемневших островов плыл в молочной дымке, медленно становясь чуть темнее. Нэста шагнула к двери.

* * *

Рафаэль стоял у края террасы. Нэста увидела его со стороны - силуэт на фоне белого неба, спина прямая, руки убраны за спину, крылья сложены с тем особым усилием, которое выглядит как расслабленность. Он смотрел вниз. Там, за облаками, лежал смертный мир - невидимый отсюда, как что-то, о чём принято знать, но не обязательно помнить.

Она подошла. Он не обернулся. Терраса была открытой, плиты из белого камня, потемневшего по краям от постоянной влаги, перила, сбитые кое-где, без украшений. Один из малых островов, не обозначенный на картах, которые давали смертным. Ветер здесь не стихал никогда, он тянул с севера,

холодный и ровный, и Нэста почувствовала, как он забирается под плащ.

- «Восемь векторов,» - сказала она. — «Тени расходятся из точек-узлов по восьми направлениям. Это не случайный выброс после разрушения алтаря. Это схема.»

Рафаэль не ответил сразу. Она продолжила.

- «Малые алтари и часовни в смертном мире уничтожаются систематически. Не Небесные бастионы - именно смертные святыни. У него два уровня работы. И он не скрывается. Следы оставлены намеренно - слишком аккуратно, чтобы быть случайными.»

- «Намеренно,» - повторил Рафаэль. Не вопрос - просто слово, которое он взял и взвесил.

- «Да.»

- «Почему ты ещё жива?»

Она не ответила сразу. Ветер тянул прядь волос из хвоста, Нэста убрала её движением, которое само по себе ничего не значило.

- «Если он ведёт тебя за собой,» - сказал Рафаэль, - «и ты это знаешь, и он знает, что ты знаешь - то ты либо нужна ему живой, либо недостаточно близко подходишь.» — Он не обернулся. - «Какой из вариантов точнее?»

В вопросе не было ничего, кроме расчёта. Нэста это услышала отчётливо, отсутствие интонации там, где у другого была бы хотя бы имитация участия.

- «Я потеряла след,» - сказала она.

Молчание легло между ними. Она считала его в ударах сердца - три, пять, восемь, и оно было длиннее, чем требовалось для обработки информации. Рафаэль уже всё понял к третьей секунде. Оставшееся время было чем-то другим.

- «В городе были смертные,» - добавила она. — «Квартал шёл под тени. Я выбрала остаться.»

Пауза не закончилась, она просто перешла в другую фазу, в которой Рафаэль наконец двинулся. Он повернулся медленно, без резкости, так поворачиваются люди, которым не нужно торопиться, потому что разговор уже идёт так, как они ожидали.

Нэста увидела его лицо. Серебристые виски, резкие черты, кожа изборозждённая, не возрастом в человеческом смысле, а чем-то, что накапливается иначе. Усталость без права на усталость. Взгляд без тепла, не злой, не жёсткий намеренно, а просто лишённый того слоя, который обычно смягчает смотрящего.

- «Нэста,» - сказал он. Произнёс имя без вопроса и без упрёка. - «Смертные города не входят в приоритет.»

- «Там гибли люди.»

- «Они гибнут везде.» - Он произнёс это без повышения голоса. - «Баланс надломлен. Пока он не восстановлен, смертный мир будет разрушаться - «с Арваном или без него. Ты это знаешь.»

- «Я знаю.»

- «Тогда объясни мне выбор.»

Она не объясняла. Она стояла прямо, смотрела на него, и внутри было что-то, что не поддавалось формулировке на языке докладов и сводок. Квартал шёл под тени. Женщина тянула ребёнка за руку через улицу, где асфальт уже не был асфальтом, он был чем-то тёмным и живым. Нэста могла пройти мимо. Арван ждал впереди.

Она не прошла мимо.

- «Ты дала ему время,» - сказал Рафаэль. Не обвинение, а констатация. — «Каждый час, который ты тратишь на смертных, это час, в который он работает по схеме. Восемь векторов. Малые алтари.»

- «Я понимаю арифметику.»

- «Тогда понимай её последовательно.»

Ветер не утихал. Нэста смотрела на него, на усталое лицо, на крылья, сложенные с той же выученной расслабленностью, на безупречный чёрно-белый костюм, ни одной складки в котором не было случайной.

Он не злился. Это было хуже, чем злость.

- «Рафаэль.» - Она позволила себе его имя, просто чтобы он услышал, что она говорит именно с ним, а не отчитывается перед должностью. - «Что он строит? Восемь векторов — это структура. Куда они ведут?»

Рафаэль посмотрел на неё. Что-то в его взгляде сдвинулось, едва заметно, как смещается линия горизонта, когда меняется угол зрения.

- «Выясни,» - сказал он. - «Это твоя работа.»

- «У тебя нет предположений.»

- «У меня есть.» - Он снова отвернулся к краю террасы. -

«Но сначала ты должна быть там, где он.»

Это был конец разговора. Нэста это знала по тому, как выровнялась его спина, не резче, просто окончательно.

Она постояла ещё секунду. За облаками был смертный мир, которого отсюда не было видно. Где-то там, восемь веков теней, малые алтари, один за другим, и человек с тёмно-красными крыльями, который не прячется и которого она потеряла, выбрав остаться.

Нэста развернулась и пошла прочь с террасы. Холодный ветер её не отпускал долго.

* * *

Рафаэль стоял у края, где обрывался камень и начиналась пустота.

Остров был небольшим - скальный уступ, не шире рыночной площади, из тех блуждающих обломков, что дрейфуют на самой границе Небес, куда не добираются ни паломники, ни стражи. Ничего, кроме мха на камне и ветра, который здесь не утихал никогда. Рафаэль не смотрел на неё, когда Нэста опустилась рядом. Он смотрел вниз, туда, где между парящими островами висела мутная молочная дымка, то, что раньше было чистым и прозрачным.

- «Ты видела карту,» - сказал он.

Это не было вопросом.

- «Видела,» - ответила Нэста.

Он помолчал ещё немного - не из-за неловкости, а потому что не торопился. Рафаэль никогда не торопился с тем, что уже решил.

- «Небеса — это не место,» - произнёс он наконец, почти спокойно. — «Это структура. Система точек, которая держит оба мира в равновесии. Как позвоночник. Если он сломается, рухнет не только то, что наверху.»

Нэста молчала. Ветер трепал выбившиеся пряди у её щеки.

- «Смертный мир держится на том же Балансе, что и мы. Разрушение Небес не оставит его нетронутым. Оно сотрёт его.» - Рафаэль наконец повернул голову - его резкое лицо с серебристыми висками было совершенно бесстрастным. — «Поэтому несколько городов сейчас — это приемлемая цена. Против того, что будет, если мы позволим Арвану продолжить.»

Нэста не отвернулась, хотя хотелось. Логика была безупречной. Вот в чём дело. Она слушала и искала трещину, слабое место, ошибку в рассуждении, и не находила. Позвоночник держит тело; если сломается позвоночник, тело умрёт целиком, а не частями. Несколько городов против всего смертного мира. Арифметика простая, жестокая и верная.

И именно поэтому что-то внутри неё тихо и настойчиво поднималось, не возражение, нет. Что-то похожее на тошно-

ту.

- «Сколько городов?» - спросила она.

Рафаэль смотрел на неё долю секунды.

- «Сколько нужно, чтобы ты перестала останавливаться?»

Нэста услышала это и почти не успела отследить, как что-то внутри сжалось, коротко, болезненно, как будто слова нашли место, которое она думала, что надёжно закрыла.

Перестала останавливаться. Значит, он знает. Значит, ему доложили или он видел сам, тот склад, те лица в дверях, ту минуту, которую она потратила не на след Арвана. Рафаэль не упрекал её прямо. Он делал хуже: он задавал вопрос, на который у неё не было ответа.

Она молчала. И в этом молчании, против её воли, мелькнула мысль, короткая, как заноза, которую она немедленно и жёстко придавила: Арван говорил почти то же самое. Не этими словами, не с этим лицом. Но суть. Что старый порядок стоит на жертвах. Что цена удержания Баланса всегда платится теми, кто не имеет голоса в этом решении.

Разница была в одном: Арван хотел сломать конструкцию. Рафаэль хотел её сохранить. Но жертвы были те же самые люди. Нэста загнала мысль обратно, туда, где темно и плотно, где она не могла расти. Не сейчас. Может быть, никогда.

Рафаэль не торопил её. Он стоял совершенно спокойно, руки сложены за спиной, белые крылья чуть сдвинуты против ветра, так, как стоит человек, который ждёт не ответа, а определённого завершения процесса. Он видел её молчание.

Читал его. И не злился.

Вот что было страшнее всего. Он не злился, потому что был уверен. Потому что видел подобное раньше, сомнение, пауза, внутренняя борьба, и знал, чем это заканчивается. Дисциплина. Клятва. Возвращение на путь.

Нэста смотрела на дымку внизу. Там, под Небесами, в смертном мире, в каком-то городе, который она не знала по имени, тени расходились по восьми направлениям от точки, которую Арван давно покинул. Люди умирали, не понимая от чего. Несколько городов. Приемлемая цена. Она не спросила больше ничего.

* * *

Слова клятвы Рафаэль не произнёс громко.

Он почти прошептал их, как прочитывают надпись на надгробии, не для живых, а для того, кто лежит под ним. Нэста стояла в трёх шагах от края острова, где камень обрывался в белёсый туман, и слышала каждый слог так отчётливо, словно они звучали не снаружи, а внутри, в том месте за грудиной, где много лет назад она сама дала согласие.

«Я служу свету. Я держу Баланс. Я не пощажу тьмы ни в каком обличье.» Её собственный голос, только моложе. Только без этой усталости.

Тепло поднялось откуда-то снизу, из самого центра грудной клетки, знакомое, привычное, то, что она всегда назы-

вала светом долга. Оно поднималось по рёбрам, как будто кто-то сжимал их изнутри ладонями. Нэста не позволила себе пошевелиться. Стояла и дышала, ровно, медленно, и чувствовала, как это тепло давит.

Не согревает. Давит. Может быть, так было всегда. Может быть, она просто раньше не различала.

- «Ты помнишь, зачем произносила эти слова,» - сказал Рафаэль.

Он стоял в нескольких шагах позади неё. Не приближался. Нэста не оборачивалась, и он, кажется, этого не требовал. Архангел умел говорить в спину, голос нёс всё, что нужно, без лишних жестов.

- «Помню,» - ответила она.

- «Тогда ты знаешь, что я не угрожаю тебе. Я напоминаю о факте.»

Туман внизу был неподвижен. Парящий остров висел в белёсом воздухе, и края его казались нарисованными, слишком чёткие для чего-то живого. Нэста перевела взгляд на свои руки. Пальцы были сложены вдоль бёдер, как у солдата. Она их разжала.

- «Восемь векторов,» - произнёс Рафаэль. — «Ты думаешь, это план разрушения.»

Нэста наконец повернулась. Архангел стоял у каменной колонны, одной из тех, что ещё держали остатки здешнего храма. За его спиной белые крылья были плотно сложены; серебристые виски казались в этом свете почти металличе-

скими. Лицо - усталое, как всегда, и как всегда непроницаемое.

- «Разве нет?» - спросила она.

- «Нет.»

Он сделал один шаг к ней и остановился.

- «Арван не уничтожает точки. Он освобождает места. Каждый алтарь, каждая часовня, каждый бастион — это не цель сама по себе. Это позиция для чего-то другого. Он строит поверх того, что сносит.»

Нэста смотрела на него. В груди по-прежнему давило - тихо, равномерно, как камень, положенный на ребро.

- «Что именно?»

Пауза была короткой, но она её почувствовала, как ощущают внезапный пропуск в ударе сердца.

- «Не знаю,» - сказал Рафаэль.

Три слова. Рафаэль произнёс их ровно, без интонации, которую можно было бы прочитать как смущение или досаду. И всё же что-то в наклоне его головы изменилось, едва заметно, на долю секунды, прежде чем он снова выровнялся.

Нэста поняла, что именно это её пугает больше всего. Не то, что Арван строит что-то неизвестное. А то, что Рафаэль - архангел, видевший больше веков, чем она могла сосчитать, этого не знает.

- «Если он замыкает схему,» - продолжил Рафаэль, и голос снова стал ровным, отточенным, - «восьмой вектор завершит то, что он начал. Что именно произойдёт - мы можем

только предполагать. И ни одно из предположений не оставляет Небесам ничего узнаваемого.»

- «А смертному миру?»

Она спросила это тихо. Не как вызов, как вопрос, на который уже почти знала ответ, но всё равно нуждалась, чтобы его произнесли вслух.

Рафаэль не ответил сразу. Снова эта пауза, не из нерешительности, а из чего-то другого. Из выбора слов. Или из нежелания тратить их на то, что считал очевидным.

- «Смертный мир - следствие,» - сказал он наконец. - «Не первопричина. Если Небеса устоят - смертный мир найдёт равновесие. Если нет — это станет неважным.»

Тепло в груди у Нэсты сжалось сильнее. Она не ответила. Что-то в этой фразе зацепило её, не логикой, а чем-то ниже логики, в той части, которая помнила опустошённые улицы и тени, ползущие по фасадам домов, где ещё горел свет. Смертный мир найдёт равновесие. Как будто миллионы людей, не знающих ни о каком Балансе, это величина в уравнении, а не что-то, что дышит.

- «Найди его,» - сказал Рафаэль. Тон сменился - стал чище, суше. Приказ, обёрнутый в нейтральность. - «Останови до того, как восьмой вектор замкнётся. Ты понимаешь, что это значит.»

Нэста понимала. Остановить Арвана означало только одно. Рафаэль не добавлял слово *убить* — не потому, что оно было неприличным, а потому что оно было лишним. Клятва

уже содержала его внутри.

«Я не пощажу тьмы ни в каком обличье.»

- «Да,» - произнесла она.

- «Времени меньше, чем ты думаешь,» — добавил он, и это прозвучало не как угроза, а как усталая констатация. - «Иди.»

Нэста развернулась к краю острова. Туман внизу был всё таким же неподвижным. Она расправила крылья - белые перья поймали холодный воздух, и почувствовала, как клятва снова отзывается в груди. Тепло. Давление. Якорь. Она прыгнула с края.

И пока остров уходил вверх, а туман смыкался вокруг неё, она думала не об Арване и не о восьмом векторе. Она думала о том, что Рафаэль сказал «не знаю», и о том, как легко она раньше не замечала, что именно он никогда не говорит.

* * *

Нэста дошла до края террасы и остановилась. Не потому, что не знала, куда лететь. Не потому, что устала. Просто её ноги сделали один лишний шаг, не тот, который нужно, а тот, который тело совершает само, когда голова занята другим, и острый каменный выступ упёрся в носок сапога. Она посмотрела вниз.

Между островами была пропасть, настоящая, не та, которую рисуют поэты. Просто воздух, уходящий в бело-серую

дымку, и где-то там, за слоями облаков, дно. Или не дно. Она никогда не проверяла.

Нэста раскрыла крылья. Движение вышло привычным до автоматизма: правое раскрывается первым, потом левое, плечи опускаются, воздух входит под маховые перья, всё, как всегда. Тело делало это тысячи раз. Тело не нуждалось в её участии.

Но она не прыгнула. Стояла с раскрытыми крыльями на краю, и ветер, гуляющий между островами, трепал концы перьев, и где-то за спиной ещё не успели закрыться двери залы, где Рафаэль остался один со своей правотой, выверенной и аккуратной, как пуговицы на его костюме.

Он не был неправ. В этом и состояла проблема. Небеса держатся на Равновесии. Равновесие держится на законах. Законы требуют жертв — это не жестокость, это математика. Нэста слышала это тысячу раз, и тысячу раз она соглашалась, потому что аргументы были безупречны.

Но потом она думала: если Арван тоже строит новый мир, если он тоже говорит о математике, о жертвах, о необходимости, чем его логика отличается от Рафаэлевой?

Вопрос возник не сейчас. Он возникал и раньше, мелькал, и она его гасила, как гасят свечу: быстро, пока не успела что-нибудь поджечь. Но сейчас он просто стоял. Посередине. И не давал прыгнуть.

Кто решает, чья жизнь считается? Рафаэль решает, во имя Небес. Арван решает, во имя нового мира. Оба убеждены

в своей правоте. Оба идут к цели напрямую, через тех, кто оказался не вовремя не на том месте.

Нэста стиснула зубы. Воздух был холодным, как всегда на этой высоте, и пах камнем и чем-то отдалённым - не цветами, не дождём, просто пространством.

Она вспомнила лицо. Не образ, не символ, не строчку донесения о потерях среди смертных в северных кварталах. Просто лицо: немолодое, обветренное, с глубокими складками у рта - мужчина или женщина, она не была уверена, потому что видела только на долю секунды, пока тень накрывала улицу и она торопилась поставить барьер. Человек смотрел в небо. Не на неё — в небо вообще, туда, откуда пришла темнота, и в этом взгляде не было ни молитвы, ни ужаса, только какое-то очень тихое непонимание.

Рафаэль его не видел. Рафаэль не бывал в смертных городах. Он знал цифры. Знал масштаб, знал стратегическое значение, знал, что смертные мировые потери, приемлемая цена за сохранение Небес. Всё это было правдой.

Но лицо с таким взглядом в цифры не помещается.

Нэста закрыла глаза. За спиной, в зале, Рафаэль, возможно, ещё стоял у окна. Думал о следующем шаге. О том, как закрыть брешь в Равновесии руками Нэсты, которая дала клятву и которая знает своё место. Он не сомневался в ней. Это тоже была его правота.

Она оттолкнулась от края. Воздух принял её сразу, резко, как всегда при первом взмахе, тело просело и тут же вы-

ровнялось, белые крылья забрали ветер. Каштановые волосы хлестнули поперёк лица, она убрала их движением плеча, не замедляясь. Острова проплыли мимо, серый камень, чахлая зелень, уступы, где ветер полирует поверхность до матового блеска.

Нэста летела. Тело знало направление. Север. Следующий поражённый город. Лиор там или не там, всё равно нужно лететь на север, потому что туда ведут следы, потому что Арван там прошёл, потому что это её задача.

Но сомнение летело рядом. Не впереди, не сзади, именно рядом, как нежеланный попутчик, который не просил разрешения и всё равно пристроился. Нэста ждала, когда оно отстанет. Она умела ждать. Она умела переживать неудобные мысли тихо, пока они не истощатся сами.

Это не истощалось. Прежде она бы уже нашла способ переформулировать. Приказ есть приказ. Клятва есть клятва. Сомнение — это слабость, а слабость Арван использует. Всё логично. Всё на своём месте.

Но сейчас она летела и сомневалась, и не гасила это, и это было страшнее всего. Не Арван был страшен. Не Рафаэль с его холодной математикой. Страшно было вот это: то, что она сама не знает, где её правда, и что, возможно, она давно её не знает, а просто не замечала, потому что клятва давала форму, в которой удобно существовать.

Острова уходили назад. Впереди открывалось небо, огромное, равнодушное, без ответов. Нэста набрала высоту

и летела дальше.

* * *

Остров темнел. Нэста заметила это ещё на дальних подходах, не сразу, не как вспышку, а постепенно, как бывает, когда долго смотришь на что-то и вдруг понимаешь, что давно уже смотришь не туда, куда думала. Северо-западная цепь островов тянулась под ней неровной гирляндой, обычно отчётливой на фоне неба - белый камень, зелень, изредка блеск алтарного света, тихий и ровный, как дыхание спящего. Сейчас одного не хватало.

Она накренила крыло, снижаясь. Малый остров, она знала его: небольшой бастион, часовня без имени, трое-четверо хранителей в лучшие годы. Сейчас над ним стояло что-то похожее на дым. Не дым. Дым поднимается, клубится, тянется к небу. Это оседало. Медленно, плотно, без запаха и без жара, темнота, которая не гасла, а становилась гуще, как чернила, капнувшие в воду.

Нэста зависла в воздухе. Крылья работали ровно - четыре удара в секунду, привычный ритм, почти не требующий мысли. Мысль была там, внизу, на острове, читала то, что видели глаза.

Тени двигались. Она узнала рисунок сразу - тот же, что в складском квартале разрушенного города, тот же, что она воспроизвела на клочке бумаги, пытаясь объяснить Лиору.

Концентрические круги от центра наружу, плавно, почти красиво, если забыть, что означает. Восемь лучей. Она мысленно провела один из них дальше, он уходил на северо-восток, прямо сквозь облака, в сторону, куда она и так летела.

Один из восьми векторов. Она опустила взгляд на остров ещё раз. Часовня уже не светилась, там, где должен был быть тихий белый огонь, была только темнота, ровная и сытая.

«Арван был здесь.»

Или ещё здесь. Нэста не знала, что хуже. Первое означало, что она снова опоздала. Второе - что она висит над ним прямо сейчас, и её собственный свет, если он там, внизу, уже почувствовал её присутствие.

Она почувствовала знакомое тепло, или то, что раньше было теплом. Теперь это скорее напоминало тление: маленький уголь где-то за грудиной, который она берегла с тех пор, как разрушили алтарь. Не гасла. Но и разгораться не давала.

Если спуститься сейчас, этот уголь придётся потратить. Нэста знала, что произойдёт дальше. Она уже делала это - в городе, в переулках, где тени шли стеной. Тогда она продержалась, но потом несколько часов не могла даже согреться. Сейчас она не позволила бы себе войти в такую темноту. Не с тем, что у неё осталось.

Это не было страхом. Это было - расчёт. Она долго смотрела на остров. Темнота продолжала оседать, деловитая и неспешная. Часовня была мертва — это свершилось без неё, и её появление сейчас ничего не изменит. Если Арван там,

то он ждёт её истощённой, именно такую, приходящую на тлеющей силе, на гордости и клятве. Если его там нет, то она потратит последнее на тени без хозяина.

Оба варианта были ловушкой. Нэста развернулась. Это решение вышло иначе, чем все предыдущие. Прежде, когда она отступала, внутри что-то сопротивлялось, вина за смертных, которых не спасла, стыд за след, который снова уйдёт в пустоту. Сейчас было тихо. Не спокойно, тихо, как бывает после того, как долго шумело и вдруг прекратилось.

Она выбрала. На севере был Лиор. Он сказал: следующий поражённый город, встретимся там. Она не ответила тогда, не подтвердила, не отказала, просто взлетела, потому что нельзя было оставаться рядом с Рафаэлем ещё одну минуту. Но она летела на север. И в этом была разница, не просто направление, а что-то другое.

Она летела не за Арваном. Она летела к кому-то. Нэста набрала высоту, уходя от тёмного острова, не быстро, не торопливо, с той ровностью, которая даётся, когда решение принято и больше не требует защиты. Ветер здесь, на высоте, был холодный и чистый, без запаха теней. Она позволила ему пройти сквозь перья, белые крылья приняли поток, распрямились чуть шире.

Где-то внизу и позади темнота продолжала оседать на мёртвую часовню. Нэста не оглядывалась.

Она знала рисунок. Знала, что восемь лучей — это план, а не случайность. Знала, что следующая точка существует,

что Арван уже знает, куда она идёт, потому что он сам её туда ведёт. Она знала это и всё равно летела, потому что союзник, который умеет читать тени, стоил сейчас больше, чем одиночный бросок на угасающем свете.

Это тоже было новым. Она не привыкла думать словом «союзник» о ком-то, кроме Небес. Небеса были иерархией, приказом, Рафаэлем с его усталым голосом и словом «клятва», произнесённым как замок на двери. Лиор был другим. Бывший демон, который выбирал смертных. Который не спрашивал о её задании и не давил на её решения.

Северный ветер усилился. Она скорректировала угол, поднялась чуть выше облаков. Остров с тёмной часовней остался позади - маленькая точка в длинной гирлянде, одна из восьми меток на карте, которую Арван чертил тенями по небу и земле одновременно. Нэста летела на север. Свет за грудиной - маленький, упрямый - держался.

Глава 7

Глава 7. Первый бастион

Он раскрыл крылья. Не резко, скорее так, как разворачивают карту, которую знают наизусть. Тёмно-красные перья расправились в утреннем воздухе, поймали ветер и отпустили его, ничего не сделав с ним. Арван стоял на краю каменного выступа и смотрел вперёд, туда, где Небеса светлели полосой над горизонтом, как рана, которая никак не заживёт.

Блуждающий остров за его спиной медленно уходил в сторону. Он никогда не стоял на месте - просто дрейфовал, равнодушный ко всем, кто на нём жил или прятался. Арвану это нравилось.

Он шагнул с края. Крылья подхватили его без усилия, как будто воздух сам сложился под ними нужным образом. Возможно, так и было. Тени, тянувшиеся от него вниз, к серому камню острова, вытянулись и разжали хватку, когда он набрал высоту.

Первыми он услышал их. Гарпии не издавали звука, который можно было бы назвать речью, скорее низкое, почти неслышимое гудение, как натянутая струна перед тем, как её тронут. Они поднимались с уступов, со щелей в скале, из теней под нависающими выступами - по одной, по двое, и выстраивались за ним в воздухе без команды. Арван не огля-

дывался. Не было нужды. Он чувствовал их присутствие за плечами так же, как чувствуют тепло очага, не задумываясь, просто знаешь, что оно есть.

Не преданность. Не страх. Что-то точнее: тьма притягивала тьму, и здесь не требовалось объяснений.

Он летел прямо, не меняя высоты. Ветер был холодным и резким, каким бывает только на Небесах - без запаха земли, без влаги, только пустота, отполированная до прозрачности.

Остров он увидел раньше, чем ожидал. Белый камень поймал свет и отдал его обратно, без потерь, без оттенков. Золотые шпили стояли прямо, словно кто-то воткнул их в плоть острова и забыл вынуть. Вокруг купола храма светился воздух, не сиянием, не огнём, а тем ровным, ненатуральным светом, который не мигает даже когда ветер бьёт в него наотмашь. Арван смотрел на это без ненависти. Ненависть требует удивления, а он давно перестал удивляться.

Просто задача. Он снизился - незначительно, чтобы видеть остров чуть сбоку, а не снизу вверх. Неважно, насколько что-то красиво. Важно, как оно устроено.

Два входа: главный - открытый арочный портал, обращённый к востоку, на который замкнут весь архитектурный замысел. Второй - узкий проход с северного торца, почти скрытый колоннами. Арван отметил это без интереса. Те, кто строил подобные места, думали об открытости, о том, чтобы свет входил свободно, чтобы пространство дышало. Они не думали о том, как быстро можно закрыть выходы.

Двор между колоннами - широкий, ровный, без единого укрытия. Плиты подогнаны плотно, без трещин, даже тень не найдёт щели. Колонны стоят правильными рядами: красивые, симметричны и совершенно бесполезны для обороны, слишком редкие, чтобы за ними можно было спрятаться, слишком толстые, чтобы видеть сквозь них.

Ангелы привыкли защищать. Не обороняться. Это разные вещи. Арван знал это давно. Защита — это когда выходишь навстречу, грудью, с уверенностью, что твоя сторона права и это что-то значит для исхода. Оборона — это когда прячешься за укрытием и ждёшь, потому что понимаешь: право не остановит удар.

Ангелы не ждали. Никогда не ждали. Это была их сила и их уязвимость, вшитая в камень их же постройками. Он завис на месте. Гарпии замерли за ним - неровная живая стена, крылья едва двигались в воздухе, достаточно чтобы держаться, не больше. Ни одна не нарушила расстояние. Ни одна не издала звука.

Арван смотрел на храм ещё несколько секунд.

Не из сомнения, у него не было сомнений. Просто привычка, вьёвшаяся за долгие годы: прежде чем сделать, убедиться, что видишь всё. Не то, что хочешь увидеть. То, что есть.

Восток светлел за шпилями. Золото куполов поглощало цвет неба и не отдавало его. Он опустил руку, медленно, почти небрежно, и сложил пальцы в едва заметный знак. Не

жест власти, не приказ, озвученный в слова. Просто направление. Вектор. Гарпии пришли в движение.

* * *

Гарпии вошли в двор без крика. Арван стоял на краю острова, там, где камень обрывался в пустоту, и ветер бил снизу, тёплый и неестественно тихий, как дыхание спящего. Внизу плыли облака. Выше, в трёхстах шагах, светился купол храма, белый, с синеватыми прожилками, как молоко с чернилами. Он смотрел на него долго. Потом перевёл взгляд на двор.

Они уже были внутри. Он не давал команды вслух. Просто думал о флангах - о том, как перекрыть оба выхода одновременно, сначала левый, потому что там ниже стена, и тени потекли туда раньше, чем мысль успела оформиться в намерение. Гарпии следовали за теньями, как птицы следуют за ветром: не думая, не выбирая. Просто двигались в том направлении, где темнее.

Ангелы-стражи среагировали быстро. Он ожидал этого. Свет вспыхнул сразу в нескольких руках, чистый, холодный, такой, что на мгновение стало видно каждую трещину в мостовой, каждое перо на крыльях гарпий. Двор залило белым. Факелы на стенах отозвались, разгораясь ярче, как будто свет внутри людей питал и их.

Но тени уже были там раньше. Арван видел, как они гасят,

не сразу, не силой, а просто поглощая: заползали под основание огня, вытягивали из него что-то невидимое, и факел сначала коптил, потом синел, потом умирал. Один. Второй. Третий. Стражи не успевали понять, что происходит: держали свет в ладонях, светили в темноту, кричали что-то, слова до него не долетали, ветер уносил.

Он не двигался с края. Гарпии работали быстро и без лишнего. Он не думал о них как об инструментах - слово было слишком механическим, слишком холодным даже для него. Они были частью тени. Продолжением того, что он уже сделал с Балансом, с алтарём, с ткань мира, которую надрезал аккуратно и по линейке. Тени шли туда, куда он смотрел. Гарпии шли за тенью. Это было так же просто, как дышать.

Он не чувствовал торжества. Просто наблюдал - как наблюдают за тем, что должно было случиться.

Потом один из стражей прорвался. Арван увидел его ещё на подходе: молодой, лет двадцати на вид, хотя с ангелами это ничего не значило, крылья белые, не обветренные, без той желтоватой усталости, которая появляется через столетия службы. Близна первых лет. Он летел к нему прямо, без хитрости, без расчёта, просто вперёд, потому что кто-то должен был.

Арван уклонился легко. Шаг вправо, чуть назад, удар прошёл по воздуху, и он уже держал его за запястье, разворачивая вместе с инерцией. Страж споткнулся о собственный замах.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Молодое лицо. Сведённые от усилия брови. Страх, не за себя, Арван видел это сразу, страх за то, что будет после. За храм. За остальных. Рот открылся, чтобы что-то сказать.

Арван разжал пальцы. Страж падал молча, успел раскинуть крылья через секунду, медленно, неловко, и воздух его подхватил. Он не погиб. Просто убрался вниз, в облака, и пусть себе летит, куда летит.

Арван отвернулся. Храм гас изнутри, постепенно, как гаснет что-то, из чего вытащили опору. Сначала витражи: цвет уходил из них, не темнея, а именно уходя, как уходит краска с ткани в воде, равномерно, без границы. Потом алтарный огонь: он долго держался, мерцал, сопротивлялся, больше, чем Арван ожидал. Потом сдался и тот. И, наконец, камень.

Это было труднее всего объяснить тому, кто не видел: камень светился. Не отражал, именно светился, сам, изнутри, как будто в каждом блоке жила память о том, сколько молитв через него прошло. Когда свет уходил из него, казалось, что стены оседают, не физически, просто как-то меньше. Меньше себя.

Он дождался, пока это кончится, и вошёл. Внутри было тихо. Гарпии разошлись по углам и замерли: они всегда замирали, когда дело было сделано, уходили куда-то внутрь себя, в то тёмное и неподвижное, что в них было. Тела стражей - живые, он проверил взглядом, лежали у стен. Связанные тенями. Дышали.

Арван шёл к центральному алтарю медленно, не торопясь. Он был меньше небесного алтаря, который он разрушил первым. Проще. Здесь не было резных изображений серафимов, не было золота на углах. Просто белый камень, грубый, почти необработанный, с углублением в центре, где должен был гореть огонь.

Огонь не горел. Арван остановился перед ним. Положил ладонь на край.

Тени потекли из него в камень, тихо, без усилия, как вода находит трещину. Камень был холодный. Потом - ещё холоднее. Потом просто камень, без ничего внутри: ни памяти, ни света, ни того тонкого натяжения, которое есть в вещах, несущих смысл. Он убрал руку. Первый вектор.

* * *

Край острова обрывался резко, без перил, без предупреждения, без всего лишнего. Арван стоял там, где камень заканчивался и начинался воздух, и смотрел вниз.

Смертный мир лежал далеко под облаками. Огни городов складывались в рисунок, который с такой высоты казался почти красивым: тёплые жёлтые точки, цепочки улиц, прямоугольники кварталов, всё это живое, всё это пульсировало в темноте, как угли, которые ещё не остыли. Там кто-то готовил ужин. Там кто-то укладывал ребёнка спать. Там шёл дождь, или не шёл, или вот-вот начнётся, и кто-то за это вол-

новался.

Арван смотрел на это столько времени, сколько потребовалось, чтобы понять: дольше смотреть не нужно. Ничего нового там не было. Ничего, чего он не видел бы раньше.

Он поднял взгляд. Горизонт Небес был широким и тяжёлым, острова висели в нём как тёмные утёсы, обложенные облаками снизу. Арван считал их медленно, без спешки, отмечая каждый силуэт. Семь. Или шесть - один из дальних мог быть тенью другого, смещённой ветром и расстоянием. Он не стал уточнять. Не имело значения, семь или шесть. Имело значение, что их стало меньше, чем было.

Он отступил от края на шаг и обернулся. Руины бастиона тянулись позади него, разломанные колонны, осевшие своды, камень, который ещё держал форму, но уже не держал смысла. Тени лежали в проёмах ровно, почти аккуратно, как вода, нашедшая нижнюю отметку. Гарпии рассредоточились по периметру: одна сидела на обломке колонны, сложив крылья; две другие замерли у дальней стены, там, где свод рухнул внутрь и открыл небо. Они ничего не делали. Не искали, не рвали, не метались. Просто ждали, как ждёт инструмент, возвращённый на место.

Арван отметил это и не стал думать об этом дальше. Он медленно прошёл вдоль линии разрушений, не глядя под ноги - камень здесь был знакомый, предсказуемый в своей поверженности. Бастионы падали по-разному: одни - сразу, с грохотом, как что-то, давно ждавшее разрешения. Другие -

медленно, с сопротивлением, цеплялись за каждую опору. Этот держался дольше среднего. Арван отметил и это.

Потом он остановился. Где-то в промежутке между одним шагом и следующим пришла мысль, не вопросом, не озарением, просто как констатация, какую делаешь об изменившейся погоде: он делал это уже столько раз, что промежуток между первым и сотым давно стёрся. Первый бастион, он помнил его слабо. Помнил, что было ощущение, которое тогда казалось важным. Что это ощущение потом повторялось реже. Что потом перестало повторяться вообще.

Это не было потерей. Он рассмотрел мысль со всех сторон, спокойно, без спешки, и не нашёл в ней ничего тревожного. Просто факт: инструмент стирается от работы. Это не хорошо и не плохо. Это физика.

Гарпия на колонне повела головой в его сторону, не ища команды, просто реагируя на движение. Арван не дал ей ничего. Она снова замерла.

Ветер пришёл с северо-запада - сухой, высотный, такой, что пахнет не землёй, а только воздухом и высотой. Арван стоял в нём и не думал ни о чём конкретном. Это было похоже на паузу между вдохом и выдохом, не напряжённую, не пустую. Просто момент без содержания.

И тогда, краем зрения, или, может, краем памяти, он не потрудился разбираться, мелькнуло что-то белое.

Крылья. Каштановые волосы. Арван не повернул головы. Не стал проверять, было ли это снаружи или изнутри. Образ

держался секунду, чёткий, неожиданно чёткий для чего-то, что он видел мельком и давно, а потом начал тускнеть сам по себе.

Арван ждал. Он не торопил и не удерживал. Просто стоял в ветре над руинами первого бастиона, пока образ не растворился до степени, когда о нём уже нечего было думать. Ушёл не полностью — это он тоже отметил, отдельно, как отдельную запись. Просто отступил на ту глубину, где не мешает. Он снова посмотрел на горизонт.

Семь островов. Или шесть. Ни один из них не знал, что он уже считает.

* * *

Арван опустился на колено перед тем, что осталось от порогового камня. Не от молитвы. Просто удобнее работать у основания, где камень ещё держит форму - не пыль, не крошево, а монолит, пусть и мёртвый.

Он достал нож. Лезвие было обычным — ничего ритуального, никакой магии в металле. Магия была в руке, которая держала. Три движения. Глубокая борозда, горизонталь, потом, под углом вниз и вправо. Угол всегда одинаковый. Тридцать градусов, не больше. Он выяснил это давно: такой угол хорошо держится в камне любой твёрдости и не смывается дождём.

Потом он поднялся и посмотрел на работу. Борозда была чистой. Контур выжженного знака по краям чуть светился,

не от чуда, просто тёплый камень остывает медленно. К ночи свечение уйдёт. Останется только борозда.

Он вложил нож обратно. Каждый раз, уходя, он думал об одном и том же: разрушитель не оставляет подписей. Разрушитель уходит и не оглядывается. Хозяин - оставляет. Хозяин отмечает, что здесь прошёл, что принял, что учёл. Что это место теперь в работе.

Бастион лежал в руинах за его спиной. Свет, который здесь держался три сотни лет, угас. Арван это знал не потому, что видел, просто воздух стал другим. Чуть плотнее. Чуть тяжелее. Как бывает, когда комната перестаёт проветриваться.

Гарпии ждали на краю острова. Он направился к ним, не торопясь, камень под ногами крошился там, где тень прошла глубоко. Поверхность острова остынет не сразу. Это тоже норма.

Одна из гарпий не сидела, как остальные. Она стояла, развернув тело к северу, крылья чуть раскрыты, голова опущена, как бывает, когда что-то чувят, а не слышат.

Арван остановился рядом. Она повела крылом в сторону горизонта, медленно, почти осторожно. Не указывала. Обозначала направление, как обозначают запах: приблизительно, с поправкой на то, что источник движется.

Он посмотрел туда. Горизонт был пуст. Острова к северо-западу стояли как стояли: серые, тихие, в низкой облачности, которая здесь не уходит с осени до весны. Ничего, что

можно было бы назвать присутствием.

Но воздух там был другим. Он не был теплее — это неточное слово. Скорее: менее остывшим. Как будто кто-то недавно прошёл и не успел остыть вместе с камнем. Лёгкое расхождение температур, которое замечаешь только тогда, когда долго живёшь там, где разницы нет.

Арван стоял и смотрел, не торопя вывода. Потом понял. Не по следу. Тот, кто шёл за ним, не читал следы - следы он прятал хорошо, и это он знал точно. Значит - по логике. По маршруту. По схеме, которую можно было считать, если посмотреть на происходящее не как на разрушение, а как на движение.

Кто-то читал его маршрут. Он не удивился. Удивление требует ожидания, а он не ждал ничего конкретного. Просто - факт. Ещё один в длинном ряду фактов, которые нужно учесть.

Гарпия рядом слегка переступила, не спуская взгляда с горизонта. Почуяла что-то светлое, она всегда так реагировала на свет. Не страхом. Скорее осторожностью, с которой привыкаешь держаться от огня на разумном расстоянии.

Арван не стал её успокаивать. Он развернулся и посмотрел на север - туда, где в облаках угадывался силуэт следующего острова. Второй бастион. Он знал его координаты по схеме, знал, что охрана там меньше, чем здесь, и что свет там держится не алтарём, а тремя воротами, которые нужно закрыть в определённом порядке.

Он всё это знал. И понял: тот, кто идёт за ним, тоже это знает. Или угадает. Если умеет читать маршрут, значит, умеет смотреть вперёд. Второй бастион очевиден. Любой, кто понял логику, придёт туда.

Это ничего не меняло. Это не было ловушкой и не было угрозой. Это было просто - фактом, который он принял и поставил рядом с остальными.

Арван ещё раз посмотрел на борозду в камне у порога. Чистая работа. Угол держится. Потом на горизонт к северо-западу, где воздух был чуть менее остывшим.

Каштановые волосы. Белые крылья. Он не видел лица, только силуэт в дыму, в тот короткий момент у алтаря, когда всё уже решилось и смотреть в ту сторону было незачем. Он всё равно запомнил. Не намеренно. Просто запомнил, как запоминают что-то, что попало в поле зрения в неудачный момент.

Он не стал думать об этом дальше. Расправил крылья. Тёмно-красное раскрылось над серым камнем, медленно, без спешки. Воздух принял. Тени под крыльями лежали ровно, не метались, не тянулись за ним, как бывает, когда уходишь торопливо.

Он взлетел не быстро. Не скрываясь, просто поднялся туда, где ветер берёт и несёт, и развернулся к северу. Второй бастион ждал. И тот, кто читал его маршрут, тоже, вероятно, уже знал об этом.

Арван летел ровно, не ускоряясь. Воздух был холодным

и пустым. Острова внизу медленно сменяли друг друга - серые, тихие, в редких пятнах белого там, где снег ещё держался на камне. Гарпии шли чуть позади, не обгоняя. Он не смотрел назад. Незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.